

МАГІЯ ФЕНТЕЗИ

Ирина ЦЫГАНЮК

СЛАБАЯ ВЕДЬМА

Византизм Інформ

Слабая ведьма

Ирина Цыганок

Слабая ведьма

2005

Цыганок И.

Слабая ведьма / И. Цыганок — 2005 — (Слабая ведьма)

Есть женщины в арканских селеньях... Или нет, лучше так: жила-была в лесной деревне скромная девушка, мечтала съездить в Город и подцепить прекрасного рыцаря. Тихо так мечтала, никого не беспокоила. И вдруг на тебе: мечты начинают сбываться! И вот уже Мирра – первая ленна па деревне, и крытая повозка везет ее по дороге в столицу. Что станет с неопытной девушкой в Мире, где нет злых богов, зато в достатке злых волшебников, драконов и прочих чудовищ?! Сумеет ли она разглядеть среди своих попутчиков того самого прекрасного рыцаря и вернуться домой? Колеса повозки скрипят, ткань судьбы выткана, н Творец уже занял свое место в ожидании нового развлечения...

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	43
Глава 5	50
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ирина ЦЫГАНОК

СЛАБАЯ ВЕДЬМА

Ничто не достается так дешево, как нам кажется.

ПРОЛОГ

Ветер срывал сизую пену с гребешков волн. Это дальше, у берега, буруны казались ослепительно-белыми, а здесь напоминали грязную накипь в кастрюле нерадивой хозяйки. Море методично билось о каменный берег пустынного острова Ит, и казалось, стань волна хоть немного выше, она прокатится от одного его края до другого, ибо больше всего Ит напоминал плоскую тарелку, поставленную на водную гладь. Поверхность его была покрыта серыми чешуйками шелушащегося от времени камня, лишь редкие кустики ковыля выживали на скудной почве. Единственное, что оживляло унылую равнину, – высокая круглая башня черного базальта, как будто выросшая из самого центра острова. Наверх не вело ни единой лестницы, так что нечасто (теперь) посещавшие остров моряки только диву давались – кому понадобилось возводить посреди пустынного клочка суши подобное сооружение.

Одни легенды гласили, что башня – посох гиганта, расы, некогда населявшей Мир, забытый им на привале и навсегда вросший в землю; другие – что это усыпальница великого эльфийского мага (хотя на кой бы эльфы потащили своего великого мага хоронить на забытом богами острове, да еще в башне?!).

На самом деле башня была творением человеческих рук (поразительно, как быстро люди забывают собственные свершения и как легко начинают приписывать их сверхъестественному). Было время, правитель соседнего Сан-Аркана собирался сделать из башни маяк. Но бухта, недалеко от входа в которую располагался остров, изобиловала подводными скалами и отмелями и не годилась для морских судов. Кроме того, на острове не было ни деревца, ни источника, а возить дрова, воду и провизию для смотрителя маяка с Континента было накладно. Так что правитель очень быстро оставил эту идею.

Потом пошла мода на скалолазанье, и на остров зачастили целые экспедиции. Компании смельчаков отчаянно штурмовали идеально гладкую поверхность Башни Итилора, на которой самый острый резец или зубило не оставляли ни малейшей царапины. Редко кто поднимался до ее середины, так что сильно покалечившихся было немного. Неизвестно, достиг ли кто-нибудь вершины башни-скалы, Мир не сохранил об этом памяти. Да, собственно, и помнить-то нечего. Башня была совершенно пуста, если не считать девяти каменных тронов, установленных по кругу в зале на самом верху.

Длинные и узкие окна (от потолка до пола) прорезают стены на равном расстоянии друг от друга. Стекол нет, и пахнувший морем ветер спокойно разгуливает по залу.

Уже лет семьдесят, как башню вовсе оставили в покое и она стоит посреди пустынного острова. Одинокая, вылизанная ветром...

Но сегодня не один ветер хозяйничал в Итилоре. Пять из девяти каменных кресел были заняты. Мужички, восседавшие в них, напоминали величественным видом королей из прошлого (какими их изображают на картинах) или прославленных полководцев. Но, пожалуй, они могут быть и тех и других, вместе взятых, ибо в Итилоре заседает Совет Девяти Великих, Заглянувших за Грань, Постигателей Равновесия, мудрейших Магов этого Мира.

Итак, магов осталось всего пятеро. И, если уж быть совсем точным, то только четверо из них восседали на тронах, а пятый с надменным видом прогуливался по залу, чем безумно раздражал Председателя.

Верлейн Седой, председательствующий на Совете, обвел взглядом собравшихся. Трое из них приняли приглашение явиться без всякого энтузиазма и теперь демонстрировали нарочитое равнодушие к вынесенному на обсуждение вопросу. Верлейн нахмурился. Если уж Великие Маги не способны оценить опасность, нависшую над Миром, кто же сумеет противостоять ей?!

– Есть желающие высказаться? – повторил он свой вопрос, но услышал лишь невнятное ворчание да скучающие вздохи. Только Дэйл, сидевший напротив, сочувственно улыбнулся и развел руками: мол, что уж тут поделаешь. Великому захотелось испепелить своих собратьев на месте, но это было слишком опасно даже для него, поэтому он сделал еще одну попытку достучаться до их сознания.

– Вы не сможете игнорировать это, коллеги, мана истончается с каждым днем, с каждым произнесенным нами (вами!) заклинанием. Приходится признать: постулат о том, что запасы этой волшебной энергии неисчерпаемы, ошибочен. Более того, все мы пользуемся одним источником, так что прямо сейчас десяток знахарок расходует драгоценную энергию на какое-нибудь второсортное любовное заклинание для деревенского свинопаса. Если не принять меры, вскоре мы с вами превратимся в жалких стариков, годных только на то, чтобы развлекать народ фокусами на ярмарке. Но и фокусов вы сумеете показать, господа, без магической силы немного!

– Думаю, это временное явление, – заявил Эгей, придворный маг далекой островной империи, название которой с трудом мог выговорить даже он сам (а Верлейн и вовсе не пытался), – как колебание уровня моря. Сегодня – пусто, завтра – густо. К чему устраивать панику?

– Жара на вашем острове совсем вытопила тебе мозги, Эгей, – негромко, но так, что все слышали, заметил Председатель. – С момента основания Мира количество маны постоянно уменьшается. Не было ни одной эпохи, когда бы намечился хоть какой-то ее рост. В Пророчестве есть скрытый намек на полное исчезновение магической энергии, и это означает конец Мира.

– При чем здесь Пророчество?! Стоит чему-нибудь случиться, как все кидаются искать связь с Пророчеством. А между тем это не более чем бред перепившегося жреца! – перебил его Эгей.

Дэйл примирительно положил ему руку на предплечье.

– А что с магией эльфов и драконов? – спросил он, чтобы разрядить обстановку. – Они ощущают что-либо подобное?

Верлейн кинул мрачный взгляд в сторону Эгея, но не стал вступать с ним в дискуссию, а ответил Дэйлу:

– Эльфы, возможно, да. Этот их закон, ограничивающий рождаемость, его можно понимать двояко, а что касается драконов... – взгляд Великого обратился к высокому темноволосому мужчине в красном плаще, застывшему у северного окна башни, – ...благодаря выходкам некоторых из нас драконы больше не ведут диалогов с магами, предпочитая иметь с ними дело только в жареном виде.

Взгляды остальных обратились на владельца красного плаща, но тот даже бровью не повел, продолжая изучать монотонную равнину, простиравшуюся со всех сторон башни.

– Не моя вина, – ни к кому в особенности не обращаясь, проговорил он, – что некоторым моим коллегам не хватило сноровки, чтобы управиться с драконом. К тому же ящеры лишены понятия кровной мести, так что их встречи с магами ко мне никакого отношения не имеют.

Это высказывание вызвало возмущенные восклицания, но Верлейн жестом остановил перепалку.

– Мы собрались не для того, чтобы обсуждать разборки с драконами! – Голос председательствующего пророкотал, словно гром под сводами башни, и Маги вспомнили, что Седой

Колдун значительно превосходит их в могуществе и способен любого размазать по стене движением пальца (а может, и без него). В зале воцарилась тишина.

– Так есть у кого-нибудь предложения?

Члены Совета молчали. Каждый из них имел соображения на этот счет, но предпочитал приберечь их для себя.

– Ну, да и ... с вами! – грубо, но почти беззлобно выругался Верлейн и, плюнув на каменный пол, исчез из зала. Через некоторое время один за другим комнату покинули и остальные. Опустевшая каменная Башня осталась одиноко торчать посреди простирающейся на несколько миль пустоши на необжитом острове, недалеко от северного побережья Закатного моря. Исчезая, Верлейн успел послать Дэйлу мысленное предложение встретиться через три дня в Дессе, где у того была постоянная резиденция.

Дэйл-Целитель был не самым сильным магом Совета, зато обладал покладистым характером и испытывал неподдельное уважение к Председателю. «От этого хоть не надо будет постоянно прикрывать спину!» – здраво рассудил Верлейн, выбирая напарника для осуществления своего далеко идущего плана. Где размещалась резиденция самого Великого Мага, не знал никто, и теперь он в очередной раз похвалил себя за предусмотрительность, ибо задумал войну, и в войне этой должны были один за другим пасть все его коллеги по Совету.

– Что ж, я предоставил им шанс, но никто не попытался этим воспользоваться! – Верлейна отнюдь не радовала перспектива остаться единственным в Мире магом, ему, как всякому умному и уверенному в себе человеку, нравилась определенная состязательность. Но единственный найденный им выход не предусматривал наличия соперников, равно как и соратников. Собственно, план был простой, но вот его осуществление – трудоемким, «затратным» – как называл это Председатель.

Маг вздохнул и превратился в грузного мужчину средних лет, чьи темные, коротко остриженные кудрявые волосы были прямой противоположностью его собственным белоснежным сединам. Черный хитон и мантия колдуна превратились в нарядный камзол с золотым позументом, плотно обтягивающий широкую спину.

Недалеко от ворот Сан-Аркана Верлейн уселся в поджидавшую его карету и с наслаждением откинулся на мягкие подушки. Заклятье перемещения всегда отнимает много сил, но на Совет принято являться лично. Тем досаднее было потратить столько энергии даром!

Таким, вполне обычным способом Председатель и въехал в город. Никто из жителей государства, где колдовство считалось преступлением, не заподозрил бы в толстяке-царедворце с глуповатым лицом – Великого Мага, Председателя Совета Девяти и прочее, и прочее...

Часть I

ЛЕННА ИЗ ЛЕДО

Глава 1

Она проснулась на чердаке, самом сухом месте во всем доме. К тому же только здесь имелся маленький закрытый очаг, сложенный из дикого камня, гладко обкатанного рекой. Во всем остальном доме огонь был только на кухне, да и там использовался сугубо для готовки, а вовсе не для обогрева. Но Мирра была по здешним меркам существом странным, если не сказать ненормальным, потому что, в отличие от других жителей деревни, влажной сырости спален, расположенных, как и во всяком приличном доме, на первом этаже, предпочитала рассохшиеся доски чердака и такой опасный, даже в своей каменной темнице, живой огонь. Старая Ракита – Миррина бабушка такими закидонами не страдала. Она, как и все порядочные люди, спала внизу, и ложе ее стояло изголовьем к роднику, бьющему прямо из каменной стены дома и наполняющему (прежде чем нырнуть в каменную трубу, ведущую под полом) неглубокий полукруглый бассейн.

Солнце пробилось сквозь маленькое окно под крышей, высветило тонкие щели в углу, где черепичный настил разошелся после недавней бури. Деревянные стропила, поддерживающие крышу, тоже были все в трещинах от времени. Мирре подумалось, вряд ли их дому грозит скорый ремонт. Жили они с бабкой вдвоем, две женщины, и если Старой Раките уже поздно было думать о новом замужестве, то и Мирре, хоть и была она в самом том возрасте, рассчитывать на замужество тоже не приходилось. Ее «нездоровую» тягу к теплу и сухости еще как-то можно было объяснить, но уж врожденную глухоту так просто не скроешь. Возможно, будь Молодая Ракита писаной красавицей, мужчины и не стали бы придавать особого значения ее странностям. Но она была девушкой внешне самой обыкновенной: бледная кожа, невыразительного цвета волосы, полная грудь и невысокий рост... Одним словом, популярностью у мужской части населения Ледо Мирра не пользовалась, а значит, и рассчитывать на мужские руки в хозяйстве не приходилось.

Она еще немного полежала в кровати, глядя на тонкую игру пыли в солнечном квадрате окна, потом, вздохнув, поднялась с постели. Пора было заняться работой, а то так и осень пройдет, а крыша все стоит нечиненая. Не надевая платья, девушка спустилась на первый этаж, чтобы принять ванну. Бабушкина постель, как всегда, была аккуратно заправлена, к тому же Ракита умудрилась уже заново разровнять земляной пол, изрытый за ночь корнями, и теперь командовала работой вору в огороде. Мирра подумала, что бабушка снова будет недовольна тем, как поздно она встала, и постаралась прошмыгнуть незаметно. Это ей удалось. Приняв ванну, она почти было ускользнула из дома, но Старая Ракита слишком хорошо знала свою внучку и караулила ее у дальней калитки.

– Куда это ты собралась? – уперев в бока жилистые руки, спросила она строго.

Пойманная беглянка лишь досадливо встряхнула головой.

– Ну, к чему мне тащиться на эту нудную церемонию, будто неизвестно, кто станет новой ленной? Даром, что ли, жрецы весь год прикармливали Зорнака у дерева Лилабеллы Вяз?! Тут даже Фермера спрашивать не надо... – Мирра легкомысленно махнула рукой и попыталась проскользнуть в калитку мимо бабки, но та лишь тверже уперла кулаки в бедра.

– Мирра Ракита, не смей пренебрежительно отзываться о заветах Фермера! Глухота не извиняет богохульства! Изучай ты внимательнее законы Творца, глядишь, и услышала бы Его Голос!

Мирра отступила на шаг, склонив голову. Бабушка оседлала своего любимого конька, и можно было не сомневаться, что теперь не меньше получаса придется выслушивать ее наставления. А потом еще и тащиться в Храмовую рощу, глядеть, как священный Зорнак (а в действительности – обычный петух, может, только хвост чуть длиннее, чем у других деревенских кохотунов) изберет новую правительницу на тридцать три лунных года.

Лунный год длился в среднем около тридцати месяцев, длина его постоянно менялась и зависела от сложного движения по небу большей из лун – Ауреи. Орбита ее была сложна, и каждую ночь она кружилась по небу в замысловатом танце, то со своей бледной сестрой – Минолой, то без нее, но сама никогда не покидала ночного свода. Примерно раз в тысячу дней (иногда меньше, иногда больше) Аурея восходила в новом зодиакальном созвездии, тогда считалось, что наступил новый лунный год. Мирра давно отчаялась понять, каким образом жрец раз за разом определяет, сколько дней он продлится, и какой момент считать новым восходом Большой Луны. Наверное, тот исполнял неслышные ей команды Великого Фермера или (как подозревала Молодая Ракита) просто говорил первую пришедшую ему в голову цифру. Покинув для вида головой (на самом деле она пропускала бабкины нотации мимо ушей), вернулась в дом. Что ж, раз предстоял поход на деревенскую сходку, стоило приодеться: вдруг красавчик Явор бросит на нее свой взгляд?

Мирра принялась перекаладывать на чердаке свои платья. Среди них были и довольно изящные, такие сделали бы честь даже дамам из дома Вязов. Но Явор, конечно же, всю церемонию будет стоять об руку с младшей Рябиной. Он бы и с Лилабеллой постоял, но та, как всем известно, станет женой Главного Жреца, а уж этот такого не потерпит!

Девушка перебрала платья и, как обычно, остановила выбор на своем любимом – зеленом (болотного цвета) с длинной, расширяющейся книзу юбкой, начинающейся прямо под грудью, отчего (во всяком случае, Мирре так казалось) она выглядела гораздо стройнее. Платье было не новое, прошлогоднего посева, зато лиф и рукава расшиты тонкой заморской нитью, в тон основной ткани. (Других швов на платье, как и водится у лесного народа, не было.)

Натянув платье и придав волосам отдаленное подобие праздничной прически, младшая Ракита вновь спустилась с теплого чердака вниз. Солнце высушило траву на лужайке перед домом, бабушка уже ждала ее у порога (опять Старая Ракита оказалась расторопней внучки!). Вдвоем они не спеша направились в сторону Храмовой рощи.

Собственно, праздничная церемония представляла собой ритуальный полив Главного Родового Дерева, потом разбрасывание прошлогодних семян и, наконец, обряд, называемый «выбор Зорнака». Раз в три года (не обычных, лунных) священную птицу на глазах у всей общины выпускали из золотой клетки (куда ее впахивали накануне вечером, а до того петух спокойно кормился плодами и ягодами в той же Священной роще). Девушка из рода, чье дерево избирал себе Зорнак в качестве насеста, считалась ленной (Правительницей) общины до следующего Священного дня. На самом деле выбор был формальный, вот уже много сотен лет титул лены не выходил за пределы правящего рода Вязов, потому что люди их клана составляли большую часть общины. И не зря главный жрец (естественно, тоже «побег» древнего рода) ежедневно развешивал на ветвях старого Вяза душистые куски мяса и сладкие лепешки! Впрочем, недовольных правлением в деревне не было. Чего уж там, главный жрец тонко чувствовал волю Фермера, а Старейшина – его брат, умело улаживал деревенские дела еще со времен Последнего Потопа. Ледо жил тихой, размеренной жизнью, в достатке и покое, и это вполне устраивало всех его обитателей. Почти всех... Мирре такая жизнь казалась тоской смертной. Должно быть, права была Старая Ракита, порой в сердцах называвшая внучку «перекати-поле» – а это было худшее ругательство у лесного народа. Ночью, лежа без сна и прислушиваясь к монотонному бульканью родника в бассейне, Мирра мечтала, что однажды в Ледо придет прекрасный смелый юноша – сын старейшины из соседней общины... Или нет,

лучше принц из самого Сан-Аркана... И увезет ее, чтобы вместе укорениться в какой-нибудь чудесной далекой стране...

Мечты были несбыточные (с чего бы приличному юноше из соседней общины Ясеней добиваться руки девушки из малопочитаемого в здешних местах рода Речной Ракиты? И уж тем более нечего было делать в здешней глуши благородным отпрыскам Аркана), но Мирра с улыбкой засыпала под эти фантастические грезы и тихий шепот воды.

По дороге к Храмовой роще к ним прибились соседи – многолюдное семейство Рябины (второй по численности род в Ледо). Мирра с Рено – Рябиной принялись обсуждать наряды встречавшихся по дороге подруг. Старая Ракита завела чинный разговор с матерью Рябиной об урожае. За разговорами незаметно дошли до Общинного дома и окруженной редкой изгородью Храмовой рощи. Вдоль изгороди успела собраться изрядная толпа. Люди карабкались на верхние перекладыны, чтобы получше рассмотреть стоящего посреди поляны жреца с золотой клеткой в руках. Мирра не стала даже пытаться протолкнуться в первые ряды: была охота смотреть на летающего петуха! Она присела на согретый солнцем пригорок рядом с наезженной дорогой, ведущей к Общинному дому. Из-за спин зрителей до нее доносилось ритуальное бормотание жреца, потом наступила короткая тишина, лесные люди вскинули обе руки к небу, а лица, напротив, склонили к земле, вслушиваясь в разлитый в пространстве голос Великого Фермера. Мирра вслед за всеми воздела вверх руки и опустила голову, старательно разглядывая цепочку муравьев-листорезов, спешащих с ношей по своим делам. Она давно прекратила попытки услышать Великий Голос, призывающий: «Расти и цвести, колоситься и плодоносить» и так далее... Потом опять забормотал жрец, а спустя еще несколько минут до нее донеслось громкое хлопанье крыльев и почти сразу – истошный визг. Мирра чуть не свалилась с облюбованного ей пригорка. Визжала Лилабелла Вяз. Вслед за ней подняли крик и другие. Ракита вскочила на ноги, пытаясь из-за спин разглядеть, что такое происходит в «Лесном круге», но так ничего и не увидела. А новость уже разнеслась по толпе: непонятно как, в дупло на старом вязе забралась ласка, спугнувшая священного Зорнака, собиравшегося облюбовать свою привычную ветку. Петух в панике закудахтал, забил крыльями и метнулся подальше от вяза, в самый угол Храмовой рощи и приземлился... на гибких ветвях речной ракиты. Толпа ахнула, но многие успели разглядеть хищную мордочку зверька, и выбор был признан недействительным. Младшие жрецы с трудом поймали шарахающегося от них петуха и вновь поместили его в клетку. Главный жрец заново прочитал ритуальные молитвы и распахнул дверцы клетки, второй раз призывая Священную птицу сделать выбор. Однако то ли запах ласки не успел выветриться с веток вяза, то ли от испуга у Зорнака начисто отбило память, но глупая птица, вместо того чтобы лететь на свое привычное место, едва открыли клетку, вновь ринулась к одиноко стоящей раките. Вспорхнув на самую верхушку, петух сидел там, раскачиваясь (ракита была еще молодая и довольно тонкая), мертвой хваткой впившись когтями в ствол, и орошал головы подбежавших снимать его жрецов жидким пометом. На этот раз толпа пораженно молчала. Сомнений не было – Священная птица сделала выбор. Так Мирра стала леной Ледо.

Глава 2

Король Соединенного королевства сам погасил свечу (вызвать слугу – значит потратить еще какое-то время на изображение «всесильного государя») и опустил голову на мягкие подушки. Сон не шел. Правитель взбил подушку, но дело, конечно, было не в ней, ложе – в меру мягкое и упругое, свежие простыни пахнут ромашкой... Уснуть не позволяла вечерняя беседа с министром. Последнее время почти каждый разговор с Вейлом заканчивался для короля бессонницей. Министр медленно, но верно подталкивал государство к войне.

«И к чему, скажите на милость, нам захватывать совершенно никчемный хоть в стратегическом плане, хоть в торговом Тхлай?» – Властитель, как всегда, запнулся на проклятом названии. Вообще-то министр разъяснил «к чему», и в тот момент его доводы в самом деле показались убедительными. Но как же не хотелось совсем недавно вступившему на престол высочеству втягиваться в военный конфликт на другом конце Континента!

– Вы будете владеть единственной на этой стороне Мира базой для торговли с морским народом, – в который раз повторил Вейл. – Да и архипелаг не так уж плохо расположен. Построив флот, мы, то есть вы, сможете еще и взимать дань с морских торговых караванов. Не все же жиреть этим толстосумам из Мелузы! К тому же подумайте о том, что армия на полгода минимум покинет Сан-Аркан, и обойденным вами претендентам на престол станет затруднительно строить свои заговоры.

Этот довод срабатывал всегда. Вейл мысленно потер руки. Уходя спать, король почти согласился на его план захвата Тхлай-Охлатхлской империи. Теперь нужно было устроить так, чтобы утром тот не смог передумать.

Эгей вышел на песчаный берег. Солнцу было еще далеко до зенита, ленивые волны едва лизали белую полосу песка, обильно перемешанного с ракушечником. Сегодня был базарный день, и из города на берег уже потянулись торговцы с ручными повозками – везли на обмен свои товары морскому народу.

Маг всматривался в лазурную гладь залива, с минуты на минуту ожидая увидеть блестящие изгибы спин: наяды всегда приплывали все вместе. И каждый базарный день Эгей ждал на берегу их появления. Когда-то именно морской народ заставил его выбрать из всего множества мест, где мог бы поселиться волшебник, этот отдаленный остров. Император Тхлай-Охлатхл (а для домашних просто император Ти) был, если честно, мелким племенным царьком. Его подданные возделывали банановые плантации да ловили рыбу в прибрежных водах. Здесь не было университетов (как в Сан-Аркане), император не жаловал науки и не вел значительных войн, так что делать порядочному волшебнику здесь по большому счету было нечего. Но это было единственное место по эту сторону Континента, где морские наяды имели постоянные контакты с наземными жителями. Дважды в месяц их посланцы приплывали к берегу центрального (и самого большого) острова Тхлай и приносили садки с диковинными глубинными рыбами, ожерелья из гигантского жемчуга, восхитительные раковины и другие дары моря. В обмен морские жители требовали изделия из железа, особенно ценились ими ножи и гарпуны из закаленной стали. А иногда они покупали и украшения из литого золота. Много лет назад Эгея случайно занесло на архипелаг (он уже и не мог вспомнить, по каким делам прибыл сюда), тогда тоже был базарный день, и тхлайцы толпились у берега. Оживление их показалось не совсем обычным, и Эгей подошел к толпе. На камне у берега сидела удивительная девушка... Кожа ее была покрыта плотной серебристо-голубой чешуей, похожей на рыбу. Серебряные волосы спускались до талии, прикрывая грудь, на бедрах было некое подобие набедренной повязки из переливчатой кожи каких-то рыб. Ступни стройных ног утопали в воде, но Эгей по книгам знал, что между пальцами у этих существ растут перепонки. У морской красавицы

были огромные темно-синие, почти черные глаза и вполне человеческие (и очень симпатичные) рот и носик. И она пела...

Наяды не говорят на человеческом языке, с островитянами они изъяснялись посредством знаков, а между собой переговаривались шелчками и посвистываниями. Точнее, так общались между собой наяды-мужчины, а наяду-девушку Эгей (и островитяне, судя по всему, тоже) видел впервые. Песня не содержала отдельных слов, русалка выводила бесконечную мелодию голосом, и хотя не было в ней привычного человеческому уху повторяющегося ритма, люди на берегу слушали затаив дыхание. Девушка подыгрывала себе на инструменте, отдаленно похожем на арфу, серебряные струны были натянуты на вогнутый черепаший панцирь. Закончив мелодию, она улыбнулась, показав зрителям сплошную белую пластину зубов, и указала рукой на струны. Самый догадливый из торговцев бросился к своему лотку за серебряной проволокой. Получив товар и расплатившись ниткой жемчуга, наядя нырнула и исчезла, с тех пор Эгею не доводилось встречать русалок. Он поселился на острове и каждый базарный день выходил к морю. Но на торг приплывали только суровые синие мужики – морские воины и охотники. Первое время Эгей пытался, как мог, расспрашивать их о наядах-женщинах, но те делали вид, что не понимают или действительно не понимали, чего добивается от них странный маг. И все же Эгей надеялся, что серебряные струны не были вечными...

Тем утром на горизонте обрисовались сразу несколько крупных парусов. Ничего необычного в этом не было, корабли часто заходили на остров: пополнить запасы воды и пищи перед долгим путешествием вокруг южной оконечности материка (или еще дальше), все знали, что приставать к берегу в замуррских землях было небезопасно. Торговцы на пляже тоже не обратили на корабли внимания.

Маг уже собирался покинуть ярмарку и пойти на пристань – узнать новости от прибывших, когда сердце его на мгновение замерло, а затем учащенно забилося. На краю пляжа, на мелководье сидела сереброволосая девушка. Рядом снова начинала собираться толпа, посмотреть на морскую красавицу нашлось немало желающих, но Эгей, растолкав зевак, приказал людям расходиться. Грозный вид островного мага смутил и напугал тхлайцев, они всегда побаивались нелюдимого и таинственного волшебника с Континента. Когда толпа схлынула, Эгей обернулся к русалке и поспешно достал из объемистой сумки маленькую серебряную арфу. Струны нестройно, но мелодично зазвенели под его неумелыми пальцами. Глаза русалки заинтересованно расширились. Эгей протянул ей арфу, но, когда тонкие голубые пальчики ухватились за серебряную деку, не отпустил инструмента. Девушка чуть удивленно взглянула на него, потом сняла с пояса подвешенную на нем связку жемчужных нитей, а также изящных украшений из ракушек.

– Нет-нет. – Маг замотал головой. – Мне это не нужно! Я хочу говорить с тобой! Хочу, чтобы ты приплыла еще раз. Во-о-он туда, ко мне... – Маг показал на маленькую соседнюю бухту, на берегу которой стояла его каменная башня. – Видишь?

Русалка нахмурилась, безбровый лобик забавно морщился. Она отпустила арфу и, перебирая руками по дну, отплыла подальше от странного островитянина.

– Постой-постой! – засуетился Эгей. – Посмотри, что еще у меня есть.

Он снова запустил руку в сумку и на этот раз выудил костяную шкатулку. Резная крышка откинулась, и послышалась грустная мелодия, очень популярная этой зимой в Сан-Аркане, откуда была выписана шкатулка. Русалка замерла, а потом вновь двинулась к месту, где стоял маг. Тот поставил шкатулку на песок недалеко от воды и ждал.

Краем глаза Эгей увидел странное движение на берегу и в бухте, но он был слишком занят приманиванием дивной незнакомки. Ведь сегодняшней встречи он ждал без малого сорок лет. Наяда вдруг остановилась и посмотрела в сторону. Эгей невольно повернулся на раздававшиеся дальше по берегу крики.

Четыре длинные галеры вошли в бухту и теперь стремительно неслись к берегу. Низкая осадка позволяла им плыть по мелководью. Обычные грузовые суда редко приставали к самой пристани, предпочитая становиться на якорь в бухте, а на сушу отправлять команду в ялике. Не сбавляя хода, галеры вынеслись на берег и зарылись носами в песок. Никак не ожидавшие такого торговцы отхлынули от них, подобно отливной волне. Тут же с борта на песок посыпались вооруженные воины. Лучники дали залп по бегущим в сторону города островитянам.

– Торгас Минола!¹ – выругался Эгей. – Никак нашествие! Но кому, о, коварные боги, мог понадобиться этот захудалый остров?!

Он автоматически оглядел флаги, вяло полоскавшиеся на мачтах в слабом ветерке: все четыре были разными и несли на себе торговую символику, означавшую, что суда плывут с мирными намерениями.

«Мир не меняется, – подумал маг. – На плаще – знак торговца, под плащом – меч». Рядом послышался плеск. Эгей поспешно обернулся, но русалки уже не было. Маг раздраженно топнул ногой. Война его не касалась, он не состоял на службе у Тхлайского императора, хотя и оказывал ему кое-какие услуги за возможность комфортно существовать на острове. На пляже между тем шла резня. Высадившийся десант, как видно, обеспечивая неожиданность атаки на город, планомерно вырезал окруженных у береговой линии торговцев. Эгей еще раз ругнулся и окружил себя магическим щитом, не пробиваемым для всех известных видов оружия. Вступать в схватку он не собирался, но следовало поскорее вернуться в башню и обезопасить ее от вторжения. Рядом в песок зарылся короткий арбалетный болт, Эгей даже не повернулся в сторону стрелявшего. А зря, юноша в черном камзоле и черных арканских доспехах проворно вложил новую стрелу и прицелился в спину волшебника. Эгею показалось, что он споткнулся, когда стальной болт ударил его в спину и, миновав ребра, прошел легкое. По инерции он сделал еще шаг вперед, потом его повело в сторону и назад, колени подогнулись, и маг навзничь повалился на песок. Странные мысли пронеслись у него в голове: «Магический щит не сработал. Неужели он, опытный маг, допустил ошибку в заклинании? Этого просто не могло быть. Он не успел объясниться с русалкой, и теперь только Творцу ведомо, когда она снова приплывет к острову. Нужно подняться и идти к башне, а то эти глупые вояки доберутся туда раньше и все разгромят...»

Выпустивший стрелу воин наклонился над телом.

– Так и знал! – радостно воскликнул он. – А Элассер говорил, что это не может быть маг.

Невидящие глаза Эгея отражали мирное голубое небо и легкомысленные облака, плывущие над ним. Юноша перекинул арбалет на спину и, нагнувшись, аккуратно снял кольцо с руки поверженного им мага. Он еще не был закаленным воином и не привык к мародерству. И этот перстень снял только потому, что на нем читался знак мага высокого ранга. Спрятав кольцо в карман на поясе, осмотрелся. Большой отряд воинов уже был на полпути к причалам имперской столицы. Пляж на сотню шагов устлал телами. Взгляд его задержался на изящной серебряной арфе, валявшейся рядом с рукой мертвого колдуна. Он поднял дорогую вещицу. Недалеко в воде послышался какой-то звук. Юноша едва поверил своим глазам – из воды по пояс высунулась прекрасная морская дева. Серебряные волосы украшала диадема из причудливых ракушек. Дева открывала рот, но он не услышал ни звука. Испуганный и одновременно молящий взгляд русалки был устремлен на арфу в его руке.

– Это твое? Тебе это нужно? – догадался юноша. Русалка не ответила, но взгляд был достаточно красноречив. Воин нерешительно двинулся к воде, он не хотел спугнуть прекрасное видение и одновременно сам боялся стать жертвой каких-нибудь чар. Всем ведь известно, что прекрасные наяды увлекают моряков во время плавания и топят их. Девушка тоже осторожно

¹ «Упади на них Минола», «Задави их Минола» (эльф.) – ругательство, возникшее во времена, когда эльфы создали Минолу и та, сойдя с орбиты, едва не упала на Мир.

подплыла к берегу. Странный воин в железной рубашке и с длинным ножом на поясе не стал дразнить ее и сразу отдал драгоценный инструмент, а когда она протянула в обмен жемчуг, отрицательно замотал головой.

Вдоль берега брели еще несколько таких же людей в железных одеждах, заметив их, юноша поспешно замахал руками, указывая в глубь бухты. Русалка догадалась, что он просит ее уплыть. Девушка расстроилась, этот странный человек ей понравился, она не прочь была бы спеть для него, но раз он так хотел...

Голубое тело скрылось под водой. Молодой арканский воин с облегчением вздохнул, он опасался, что подошедшие, товарищи причинят вред морской деве. С неожиданной грустью бросив последний взгляд на море, он присоединился к соратникам.

Тхлайская столица не была обнесена каменными стенами, от внешнего вторжения ее защищал лишь земляной вал с деревянным частоколом. Арканское войско разметало эту преграду в считанные минуты. Имперские войска тоже не были готовы к вторжению. Увидев наступающую армию, стражники на воротах, привыкшие брать пошлину, а не оборонять город, постыдно бежали. Впрочем, уйти далеко им все равно не удалось. Гвардейские полки ворвались в город и, практически не встречая сопротивления, достигли императорского дворца. По пути они шутя перебили подвернувшуюся под руку императорскую дружину, а также тех из горожан, кто пытался как-то отстоять свое добро от вламывающихся в их дома захватчиков. Императора сгоряча зарубили прямо в его покоях. На этом, собственно, штурм города и закончился полной победой арканских захватчиков.

Молодой арканский король, лично руководивший военной операцией, вступил в императорский дворец, брезгливо переступая трупы. Жилище, по его мнению, выглядело убого. Но другие строения еще меньше подходили для временной резиденции.

Маршал Кор втолкнул в зал, где остановился король, трех связанных туземцев.

– Императорский шаман и его ученики, – пояснил он, указывая на мужчину средних лет и двух мальчиков лет четырнадцати-пятнадцати.

– Сжечь на площади! – равнодушно бросил король. – А как этот знаменитый маг, моя гвардия должна была штурмовать его башню?

– Убит, ваше величество, – отрапортовал маршал. – Молодой лорд Эйвинг отличился, снял его арбалетной стрелой чуть ли не с корабля!

– Вот как! – удивился король. Он полагал, что уничтожение Эгея будет самой трудной частью этой операции. – Значит, из арбалета?!

– Так точно!

– Значит, Вейл не соврал насчет заговоренных стрел, – задумчиво пробормотал король, жестом отсылая маршала и приговоренных пленников. – А вот интересно, где он их достал в нашем чистом от колдунов королевстве?

Глава 3

Выбор Зорнака был столь неожиданным, что дальше церемония пошла наперекосяк. Пока толпа угрюмо пялилась на ничего не понимающую Мирру, Старая Ракита пробралась к ней и за руку потащила домой. Главный жрец так и не надел на голову новой ленне венки из неувядки. Мирра едва поспевала за бабкой, она не хотела идти на церемонию, но к чему было теперь так бежать домой, тоже не понимала. Дома Ракита без сил упала в кресло-качалку, она ведь все-таки была женщиной в годах. Ее внучка едва заметно пожала плечами и направилась на кухню – утром она не успела позавтракать.

– Мирра! – тут же окликнула ее бабка.

Девушка замерла на пороге комнаты.

– Ты видела, какое дерево выбрал Зорнак?

– Наше, ну и что?! Выпустят петуха еще раз, всем же понятно, что ленной должна стать Лилабелла.

– Нет, жрец не рискнет испытать судьбу в третий раз! Ты еще молода, не понимаешь: повторять гадание – дурная примета, а Зорнак и так выбирал дважды!

Мирра все равно не понимала, каким образом это касается лично ее. Ну, значит, плюнет жрец на глупое гадание и женится на Лилабелле без всякого Священного выбора. Она опять пожала плечами, собираясь наконец-то заняться завтраком, но в это время входная дверь без стука распахнулась. Старая Ракита взлетела с кресла – в комнату вошел главный жрец. За ним, не решаясь переступить порог дома, толпились жители Ледо.

Мирра почему-то испугалась, ей подумалось, что жрец станет винить ее в том, что она каким-то образом подстроила «визит» ласки, она даже приготовилась оправдываться: в конце концов, она даже собственного вору не могла заставить как следует вскопать огород. Но жрец церемонно склонил голову в сторону Старой Ракиты, а потом шагнул к Мирре и возложил ей на голову искусно сплетенный венок из розово-зеленых крупных цветов. Бабка тихо ахнула, Мирра испуганно тарашилась на жреца. Иллис (так звали жреца в то время, когда он не исполнял свои священные обязанности) слегка поклонился, теперь уже ей, и провозгласил:

– Приветствую тебя, новая ленна и моя нареченная невеста.

Потом он взял Мирру за руку, и она покорно, как зачарованная, прошла вслед за мужчиной к двери. Там такие же молчаливые поселяне неохотно склонили перед ней головы. Жрец внимательно обвел взглядом толпу, никто открыто не выразил непочтения. Иллис удовлетворенно кивнул и захлопнул двери перед носом паствы.

– Ну вот, почтенная Ракита, – произнес он, отпустив руку Мирры и обращаясь к ее бабке, – теперь церемония завершилась в полном соответствии с традициями, и мы можем спокойно поговорить о деле. Но перед этим я хотел бы освежиться травяным чаем.

Ракита сверкнула глазами в сторону внучки. Та стояла там, где оставил ее жрец, напротив входной двери, только развернулась лицом в комнату.

– Что же ты? Быстро!

Девушка наконец-то вышла на кухню. Травяной чай был сложным напитком: чтобы правильно заварить его, нужно было много времени и не менее семнадцати основных трав. Мирра застучала баночками, одновременно прислушиваясь к разговору в соседней гостиной. Но жрец и Старая Ракита, как нарочно, говорили совсем тихо, почти шептали.

– Сколько весен миновало, почтенная, с рождения вашей внучки? – только и сумела расслышать Мирра.

– Девятнадцать. Но она ни разу еще не пускала корни.

Иллис озабоченно покачал головой, но девушка на кухне этого, естественно, не видела.

– Ничего, так бывало и раньше... Не в нашем роду, но бывало. Думаю, став женщиной, она научится и слиянию с землей.

Мирра плотно зажмурила глаза, но сон не шел, хотя она и устала от волнений, устала думать о том, что случится завтра. Чудо, свершившееся сегодня, и радовало, и пугало ее. Разве могла она даже мечтать о том, чтобы стать ленной?! Выбор Зорнака был великой честью. И, чтобы там ни говорила бабушка, она была рада своему новому статусу. Вот только... Старая Ракита укоренилась в Ледо меньше одного поколения назад, для лесных людей с их долгой жизнью – совсем недавно. Девушка из такого рода-пересаженца вряд ли могла рассчитывать на хорошую партию, лесной народ осторожно сплетал корни с новыми родами: кто еще знает, какие побеги даст такое сплетение? Будь она какой-нибудь ценной породы, к примеру, из клана Кедров, может, еще и получила бы лестное предложение. Но род Ракиты, который кое-где относили даже не к деревьям, а так, к кустарникам... В общем, Мирра и не мечтала о женихе, вернее мечтала, но мечты все больше были нереальные, ну, вроде грез об арканском принце. А теперь вот ей светит лучшая партия в Ледо!

Но почему-то Молодая Ракита вовсе не была в восторге от этого. Оказалось, ей совсем не хочется замуж за престарелого жреца. Почему-то вспомнилась Лилабелла – вот та искренне радовалась предстоящей свадьбе. Может, она что-то знала об Иллисе, что-то хорошее... Мирра зло ткнула подушку и перевернулась на другой бок: не было и не могло быть ничего хорошего в этом Иллисе. Мирре представилось его плоское, уже тронутое морщинами лицо, костлявые, длинные руки с узловатыми пальцами. Девушку передернуло, она не собиралась сплетать корни с *таким* !

Интересно, что будет, если она откажется выходить за жреца? Наверное, ее лишат титула ленны. Мирра снова сменила бок, и простыня оказалась окончательно скрученной – теперь ей точно не уснуть. Она опустила ноги на скрипучий пол чердака, потом осторожно поднялась с постели, расправила простыню. Спать расхотелось окончательно. Каждый раз после избрания ленны та вместе с делегацией из Ледо отправлялась в Сан-Аркан – представиться королю. Ракита на цыпочках, стараясь не шуметь, прокралась к этажерке в углу. Там на полке стояли ее Книги (девушка всего год как закончила посещать школу Фермера). В тусклом свете ночника-гнилушки она отыскала свой любимый учебник. Книга по истории в основном мало отличалась от учебника по ботанике, но кроме скучных династических деревьев лесного народа там еще был короткий рассказ о Соединенном королевстве и иллюстрация с изображением их столицы – Сан-Аркуна. Каменный город с чередованием золотых и красных крыш всегда манил лесную затворницу. Мирра без труда отыскала разворот с иллюстрацией (книга сама раскрылась на нужной странице) и поближе поднесла к рисунку гнилушку.

«Я только съезжу, посмотрю город, а потом сразу скажу, что не желаю быть ленной, – прошептала она, обращаясь к Великому Фермеру, которого никогда не слышала. – Дай знак, что не сердись на меня».

Ответа не последовало, хотя, может, бог и отправил ей свое послание, но она, как обычно, не сумела его расслышать. В любом случае, Мирра расценила молчание, как одобрение ее замыслов. Она аккуратно поставила книгу обратно на полку и вернулась в постель.

«Я только посмотрю город», – еще раз, словно оправдываясь, прошептала она.

Сборы в дорогу были недолгими. Делегация Ледо торопилась прибыть в Сан-Аркан до открытия зимней ярмарки, пока оптовые покупатели не затоварились у других лесных общин. Мирра еще за сутки до выезда сложила в баул почти все свои вещи и теперь из-за любой мелочи вынуждена была перебирать все содержимое сумки. Старая Ракита совсем не помогала ей в сборах, зато непрерывно изводила своими поучениями.

– Не опозорь свой род! – наставляла бабка. – Незаслуженное счастье – опасное счастье. Будь достойной ленной: почитай жреца, слушайся его во всем, помни, он – Голос Фермера и он – твой будущий муж.

И снова: «Не опозорь свой род...»

Мирре ужасно хотелось сказать, что она не опозорит свой род, потому что не собирается быть ленной, ни достойной, ни какой-либо еще... Ну, то есть она побудет ленной на время поездки в Сан-Аркан, а потом отдаст свой веночек Лилабелле. (Вот та обрадуется! Да и жрец наверняка будет доволен.)

Иллис в последние дни еще несколько раз заходил к ним: принес ей толстый том «Наставления Фермера для молодых невест». Мирра сначала заинтересовалась, потом поняла, что «Наставления...» больше всего напоминают поваренную книгу, и забросила их подальше на полку. На время визитов жреца она старалась сбежать из дома. Вид стареющего мужчины был ей неприятен, а изображать из себя благодарную невесту – просто невыносимо! Учитывая, что до возвращения из столицы она должна была держать свои намерения в тайне, а впереди еще предстоял долгий совместный путь, Молодая Ракита решила как можно меньше времени оставаться в обществе Иллиса, ну, насколько это, конечно, возможно. В остальном дорожные хлопоты доставляли ей чистое удовольствие.

Обоз из десяти нагруженных телег, включая повозку жреца и ленны, выехал из селенья ранним утром накануне зимнего солнцестояния. Сезон дождей еще не начался, но общинные вору уже углубляли канавки для стока дождевой воды по бокам от дороги. Два деревенских пастуха следили за их работой, отдавая мысленные команды. Мирра в который раз позавидовала тому, как ловко у них получается командовать зверьками. Сама она неоднократно вынуждена была собственноручно полоть и рыхлить огород вместо своего ленивого вору. Бабка, правда, говорила, что дело вовсе не в нем...

До вечера ехали по мягкому, накатанному проселку. Часа за два до заката обоз остановился на ночлег в придорожной роще. Два младших жреца, сопровождавшие ее и Иллиса в город, миглом растянули палатку, потом подали холодный ужин. Мирра наслаждалась своим новым положением, никто не заставил ее готовить похлебку или помогать распрягать лошадей на ночь, все-таки быть ленной было довольно удобно. Единственное, что удручало Мирру, – это царившие в лесу холод и сырость, и еще она запоздало подумала, что в городском Общинном доме наверняка тоже нет очага в спальне. Но ради города можно было и потерпеть.

Утром колеса повозки застучали по выложенной булыжником дороге, обоз выехал на Королевский тракт, отсюда до столицы оставалось меньше суток верховой езды, но обоз двигался медленнее, так что делегация Ледо рассчитывала прибыть в город к следующему полудню. Мирра тряслась в крытой повозке рядом со жрецом. Солнце давно встало, но она продолжала кутаться в теплый плащ – все никак не могла отогреться после холодной ночи. Жрец временами бросал на нее неодобрительные взгляды. Ракита не совсем понимала, чем именно он был недоволен, но кислая мина начинала ее раздражать.

– Вы не здоровы, моя избранница? – подозрительно спросил он. – Ленна должна обладать крепким здоровьем, чтобы служить примером для общины.

– Ракита – теплолюбивое растение, – едва слышно буркнула Мирра. Вообще-то она всегда побаивалась жреца, но, оказывается, ночь, проведенная в сырости и холоде, и перспектива еще одной такой же способны придать человеку смелости. – Я предпочитаю ночевать у костра и умываться теплой водой! – уже смелее и громче произнесла она. Иллис аж передернуло, Мирра знала о врожденной нелюбви своих односельчан к открытому огню, но решила во что бы то ни стало отстаивать свое право на теплую спальню.

– Не годится новой ленне не соблюдать обычаи избравшей ее общины! – со значением выговорил спутник, но любительница тепла демонстративно еще плотнее закуталась в плащ до самого носа. С обеда по обеим сторонам тракта сплошной чередой потянулись хутора и

деревни. Путешественница припала к открытому клапану в повозке и не отрываясь разглядывала новый для нее пейзаж. Раньше она никогда не выезжала за пределы Ледо.

Вечером (о чудо!) они остановились на ночлег не в лесу или в поле, а в небольшой придорожной гостинице. Большинство ее односельчан, правда, все равно легли спать под телегами, на открытом воздухе, но Мирре, как «знатной даме», отвели чудесную теплую спальню на втором этаже.

В Сан-Аркан обоз из Ледо въехал часа через два после полудня. Пока Иллис совершал обязательную в здешних местах церемонию оплаты за проезд через городские ворота (иными словами, платил пошлину), Мирра пожирала глазами пеструю толпу, двигавшуюся по пыльной каменной улице. Вообще-то здесь, за Южными воротами, город не блистал ни чистотой, ни архитектурой. Районы вокруг были бедные, домишки хотя и каменные, но все какие-то тощие, похожие на своих полуголодных хозяев. С другой стороны, селянка никогда не видела булыжной мостовой и такого количества празднующегося люда. Она бы с удовольствием выпрыгнула из повозки и прошлась пешком вверх по улице, пока жрец отсчитывал плату, городским стражам, но слишком боялась потеряться. Наконец пошлина была уплачена и караван из телег двинулся к центру города, там, на одной площади с сан-арканской ратушей стоял посольский домик Ледо. Такое местоположение говорило, что ледская община пользуется уважением в столице, а главное – имеет достаточно средств для внесения немалой арендной платы.

Все это успел нашептать Иллис, пока они неспешно двигались сужающимися к центру улицами. Но Мирру эти финансовые подробности мало интересовали. Потом, сжатая с двух сторон двух- и трехэтажными домами, улица неожиданно кончилась, и им открылась главная площадь Сан-Аркана, не самая большая в Мире, но все же внушительная. Булыжник, которым она была выложена, имел приятный золотисто-коричневый оттенок. Этот довольно дорогой сорт камня привозили с верховьев Игриса. Через каждые пять шагов коричневой кладки поле расчерчивали на квадраты золотые полосы. Мирра не знала, что это за камень (не золотом же выкладывали улицы в Сан-Арконе?!), но сверкал на солнце он почти как драгоценный. Здание ратуши с коричневым фундаментом и белыми оштукатуренными стенами с двух сторон вписалось в небо двумя башенками со шпилями. Четырехскатные крыши и флюгера на них тоже блестели золотом. Остальные здания, выходившие фасадами на площадь, включая Ледское посольство, были также выдержаны в кремовых, коричневых и белых тонах (но золотой крышей похвастаться не могли).

Их пропыленный обоз мало гармонировал с шикарной окружающей обстановкой. Мирра застеснялась собственного помятого в дороге платья и грязных волос, тем более когда увидела великолепных кавалеров и дам в нарядных платьях всех цветов радуги, прогуливавшихся рядом с общественными зданиями. Но больше других привлек ее внимание молодой рыцарь, гарцующий по площади на породистом гнедом скакуне. Рыцарь был одет в черный узкий кафтан, на золотой перевязи – легкий короткий меч в дорогих ножнах, на голове – берет с черными и золотыми перьями. Никогда раньше Мирра не встречала таких изящных молодых людей, она откровенно пялилась на арканского кавалера, в полной уверенности, что он, подобно парням из родной деревни, не обратит на нее никакого внимания.

Однако рыцарь придержал коня и стал бросать заинтересованные взгляды в сторону втягивающегося в ворота посольского двора обоза. Но даже это несколько не насторожило Мирру. Она радостно улыбалась, разглядывая прекрасного рыцаря, весьма напоминающего героя из ее детских грез, про себя совершенно бескорыстно восхищаясь его одновременно мужественным и в то же время утонченным видом, гордой осанкой, умением держаться в седле. Точно так же она по дороге разглядывала из повозки витрины встретившихся им ювелирных магазинов. В них переливались сапфирами и алмазами браслеты и диадемы. Они были фантастически кра-

сивы, но совершенно недоступны. Что называется, «не про ее честь», точно так же, как этот юноша, гарцующий на коне.

Последняя повозка въехала во двор, и обитые бронзой створки ворот захлопнулись. Больше путешественница не могла любоваться прекрасным рыцарем. Она вздохнула и с некоторым трудом выбралась из повозки: ноги и спина затекли за время дороги. Возницы принялись распрягать лошадей, а Мирра, подхватив свой баул, последовала за позвавшим ее жрецом.

Больше всего на свете она боялась, что им отведут общую спальню. Конечно, они еще не прошли через брачный обряд, но обычай обычаем, а здесь она была полностью во власти жреца, кто его знает?! Однако она напрасно подозревала Иллиса. Он проводил ее до маленькой угловой спальни на втором этаже посольства и, предложив освежиться с дороги, остался за порогом. Сам же разместился в комнате по соседству.

Юная хозяйка обвела взглядом свое новое жилище и чуть не захопала в ладоши. Это была совсем городская спальня. Стены обиты коврами и драпировками, на полу – еще ковер. Рядом с кроватью на витых ножках с красивым балдахином разместилась изящная тумбочка с набором непонятных, но чудесных на вид баночек и бутылочек. Мирра никогда таких не видела, но догадалась, что это та самая парфюмерия, которой пользуются знатные городские дамы. Еще в комнате был небольшой деревянный комод (в нем оказался запас свежего постельного белья) и пара обитых тканью мягких стульев (таких точно не было ни в одном доме в Ледо). За одной из драпировок оказалась узкая, но вполне вместительная гардеробная. Девушка тут же распотрошила дорожную сумку, развесила по крючкам свои платья. После недолгих поисков нашла в другой стене незаметную дверь, ведущую в ванную комнату. Тут Мирру ждало небольшое разочарование: в отличие от дома здесь из пола (или стены) не бил теплый источник, но вскоре рядом с небольшой бронзовой ванной в стене обнаружилась трубка и рычаг, пользуясь которым, Мирра накачала воду. В общем-то, догадаться было несложно, такие же насосы подавали в Ледо воду на поля, дальние от реки.

Вода была прохладная, но Мирра с удовольствием смыла дорожную пыль, тщательно промыла и расчесала волосы. Закончив с умыванием и нарядившись в домашний халат, еще раз обошла свою спальню. Перенюхала содержимое всех баночек и флаконов, оказавшихся на тумбочке. Почти все пахли странно и, если уж говорить честно, не слишком приятно. Но откуда ей знать, может, именно так принято пахнуть дамам при дворе Соединенного королевства? Мирра поставила флаконы на место, попрыгала на кровати (чудесная мягкость!), потрогала вышитую ткань балдахина (работа явно не ледских ткачей). Комната была замечательная, одна беда – окна выходили во двор, а не на городскую площадь.

Во дворе ее односельчане под руководством Иллиса разгружали телеги: товар следовало разложить по закромам, что-то подсушить, что-то проветрить.

Мирра поспешно отошла от окна, чтобы жрец ее не заметил. Конечно, надо бы спуститься и помочь с разгрузкой, но делать этого ужасно не хотелось (девушка всегда была немного ленива). Побродив еще по комнате, она выскользнула в коридор, резонно рассудив, что в ближайшее время вряд ли кто-то поднимется на второй этаж. Здесь размещалось восемь комнат: по четыре в каждом крыле (справа и слева от центральной лестницы). Две из них выходили окнами во двор, а две – на площадь. Мирра мельком, с опаской заглянула в комнату жреца: Широкая кровать, дорогие драпировки, шкафы с книгами (У жреца и здесь была неплохая библиотека). Напротив была еще одна спальня, и девушка с невольной обидой подумала, что жрец пожалел для нее комнаты с хорошим видом. По соседству размещалось нечто вроде малой гостиной: мягкие диваны и кресла вдоль стен, рядом небольшие столики, пара шкафов с посудой по обе стороны от окна.

Дальше новоиспеченная ленна обследовать дом не стала, замороженно наблюдая за разворачивавшейся на площади городской жизнью через оконное стекло.

По площади разгуливали дамы в длинных, богато расшитых драгоценной нитью и камнями платьях. Обилие украшений немного удивило Мирру, по ее мнению, некоторые наряды выглядели-бы намного изящнее, не увешай их хозяйки так густо всевозможными украшениями. Впрочем, будь горожане одеты так же, как жители Ледо, она испытала бы разочарование.

Вечером зашел Иллис, окинул взглядом комнату, недовольно поморщился, увидев, что Мирра затопила на ночь печку, встроенную здесь прямо в каменную стену. Судя по полному отсутствию дров и золы, до нее никто печью не пользовался, так что пришлось сбегать за углем на кухню.

– Ты хорошо устроилась? – ворчливо спросил он.

Мирра поспешно кивнула.

– Завтра нас примет король, так что лучше ложись спать пораньше! – Жрец еще раз неодобрительно покосился на камин и вышел. Девушка с облегчением выдохнула.

Следующий день действительно выдался хлопотным. Не успела Молодая Ракита проснуться, как к ней заявила портниха. Оказывается, Иллис заказал выходное платье для королевского приема и требовалась «подгонка». Мирра переживала, что платье готовилось для Лилабеллы (чья фигура была не в пример стройнее), но жрец оказался мудрее. Платье было сшито по правильной мерке, требовалось только чуть укоротить подол. Естественно, наряд был выдержан в цветах общины – зеленом и белом. Перед самым приемом Иллис торжественно вручил последнюю деталь наряда – выполненный из золота и украшенный камнями и эмалью веночек – почти точная копия ее венчика из неувядки.

– Горожане слишком привержены металлу! – передавая украшение Мирре, бурчал будущий муж.

До королевской резиденции они ехали в настоящей карете из позолоченной кожи. Потом был довольно длинный путь пешком по бесконечным лестницам и анфиладам дворца, в конце которого важный мужчина в парчовом кафтане распахнул перед ними резную двухстворчатую дверь и громко провозгласил, что прибыла «благородная ленна Ледо» и «почтенный служитель Фермера, Хранитель Священной рощи, Иллис». Мирра об руку со жрецом вступила на ковровую дорожку, протянувшуюся от входа в зал к возвышению, на котором стояли два парадных трона для короля Соединенного королевства и его супруги. Царственные особы важно восседали в своих креслах, но, вопреки Мирриным представлениям, король Эдарген оказался совсем молодым человеком, равно как и его цветущая жена.

Иллис и Мирра степенно подошли к возвышению, поклонились, и жрец вручил королю какие-то бумаги, а затем сопровождавшие их односельчане установили к подножию трона два кованых ларца с дарами общины. Король милостиво кивнул и, приняв грамоты, указал новоприбывшим место по левую руку от себя. К разочарованию девушки, стульями в этом месте и не пахло, весь прием им предстояло простоять на ногах. Впрочем, время летело незаметно, Мирра любовалась нарядами и прическами придворных дам, стоявших, как и она, вдоль стен приемного зала, а еще больше их импозантными кавалерами. У всех мужчин в этом зале, за исключением Иллиса и парочки жрецов из арканского Храма Создателя, на боку висел меч (или кинжал как минимум), у некоторых были усы – тоже вещь небывалая в Ледо. Королевский мажордом продолжал объявлять прибывших на прием. Те на несколько минут подходили к трону, вручали грамоты или подарки, а затем присоединялись к публике по обеим сторонам от ковровой дорожки. В чем цель всей церемонии, деревенская ленна не слишком улавливала, но все равно ей было безумно интересно.

– Позвольте представиться Прекрасной Даме? – прозвучал справа от нее незнакомый голос.

Мирра отвлеклась от разглядывания зала, чтобы посмотреть, что происходит рядом, и оказалась лицом к лицу с тем самым рыцарем, которым так восхищалась, проезжая по пло-

щади. Молодой человек склонился в изящном поклоне, сняв с головы берет. Он был одет в более нарядный, чем накануне, камзол, но цвета были все те же: золотой и черный.

– Лорд Акель Эйвинг. – Юноша перестал мести пол перьями берета и разогнулся.

Мирра встретила открытый взгляд голубых глаз и тут же смущенно потупилась.

– Ленна Ледская, – недовольным голосом ответил за нее жених, неприязненно рассматривая молодого рыцаря.

– Вы из Лесной общины?

Парень не унимался. Жрец не привык вступать в беседы с королевскими придворными, он не так часто бывал в Сан-Арконе, поскольку дела общины были весьма далеки от «забот» местной знати. (Ну, разве что получишь пару заказов от придворных дам на выращивание платьев.)

– Позвольте пригласить вас и благородную ленну на предстоящий праздник «Середины зимы». Бал состоится в большом зале ратуши. Это ведь совсем рядом с вашим посольством?

Жрец еще мрачнее взглянул на невесту откуда свалившегося на их голову рыцаря.

– Боюсь, мы не сможем принять приглашение, – стараясь быть вежливым, процедил он. – Мы здесь всего на несколько дней, а дел предстоит много.

– Но ярмарка заканчивается задолго до сумерек. – Лорд проявил неожиданное знание «дел», по которым гость приехал в столицу. – И вашей даме наверняка будет скучно вечером. Я все же пришлю вам приглашение!

Ревнивец не успел ничего ответить, Акель снова поклонился и, послав смущенной девушке белозубую улыбку, скрылся среди гостей.

– Наглец! – прошептал Иллис. Но Мирра его не слышала. В ее воображении уже кружился и сверкал всеми красками волшебный бал.

Прием закончился сразу после того, как последний из визитеров вручил свой верительный свиток. Гости и придворные склонились в церемонном поклоне, пока король с супругой шествовали к выходу из зала, а потом и сами, толкаясь, поспешили к своим каретам.

Эдарген склонился над столом с государственной почтой. В основном это были счета. Просмотрев очередной, король в сердцах отшвырнул его, и тот, проехав по гладкой столешнице, свалился на ковер. Вслед за ним полетело и золотое перо. Накануне у них опять вышел спор с министром.

– Вы надули меня с этим вашим архипелагом! – кричал король. – Эта жалкая меновая торговля с морским народцем – это «золотое дно», о котором вы мне все уши прожужжали?!

– Вы несправедливы, ваше величество. – Министр иностранных дел вовсе не казался напуганным королевским гневом. – Может, острова оказались и не столь богаты, зато попутно вы присоединили к королевству все побережье, вплоть до дельты Мурра. Теперь суда по эту сторону Континента, где бы они ни причалили, вынуждены будут платить в вашу казну. К тому же солдаты обожают своего короля, приведшего их к победе, а значит, мы можем начать новую кампанию. Теперь, если угодно, против какого-нибудь из внутренних княжеств!

– Вы спятили? – с надеждой спросил Эдарген, словно и впрямь ожидал, что хладнокровный министр признает себя сумасшедшим. – Не прошло и года, как мы вернулись в столицу, а вы предлагаете начать новую войну?! А деньги? Казна пуста, а жалованье войску, замечу, выплачено не полностью. Вам прежде стоило бы столкнуться с министром финансов, а уж потом изводить меня новыми идеями. К тому же, пока я буду завоевывать для королевства новые земли, «добрые сограждане», недовольные постоянным отсутствием короля, преподнесут трон моему дражайшему кузену!

– Ни один из правителей, ведших успешные войны, не был свержен с престола, – спокойно парировал министр. – Вспомним хотя бы вашего тезку – прапрапрадеда Эдаргена Завоевателя (знаменательное совпадение в именах, не правда ли?). Он воссел на троне Сан-Аркана

сорок лет, и его правление считают «золотым веком». Тридцать пять лет из них он провел в седле и с мечом в руках, присоединив к Сан-Аркану земли Бренисси и Рао²...

– А его жена в это время ухитрилась родить двойню, за что и была благополучно задумана рогатым супругом по возвращении, – негромко пробурчал Эдарген, но министр, конечно, услышал.

– Все имеет свою оборотную сторону, – философски заметил он. – Но у вас, мой король, нет причин сомневаться в верности супруги. Что же касается кузена, то его отец и старший брат очень удачно погибли именно в недавней войне. Это ли не довод в пользу моего предложения? Впрочем, смею заверить, Акель для вас не опасен, круг его интересов далек от политики...

Вчера Эдарген промолчал. Дядюшка Удо Эйвинг и его старший сын Эссе погибли от «шалльных» стрел во время конной атаки. По странному совпадению обе стрелы вошли в спину, ну да на войне чего не бывает! Дядюшка был слишком богат и слишком активен. Его сынок – и того хуже, любил за кружечкой эля поболтать о правах Эйвингов на Арканский престол, такие речи кого угодно отправят на встречу с Доброй Сестрой!

Но младший отпрыск знатного семейства действительно был на удивление тихим и скромным мальчиком: о короне не помышлял, за наградами не гнался, хотя и сумел отличиться в сражениях за Побережье, а во время высадки в Тхлае выстрелом из арбалета сбил самого имперского мага!

Одним словом, славный вырос наследник в семействе Эйвингов. Страшно сказать, даже Эдарген симпатизировал ему, чего уж говорить о простом народе? Это-то и было опасно! Король задумчиво помял подбородок и пододвинул к себе лежащий в стороне от других свиток.

Возможно, сегодняшний визит Акеля Эйвинга был знаком? Мол, не стоит рубить под корень древний род... Парень сам себе отрезал дорогу к престолу – перед королем лежало его прошение о браке с девушкой из простого рода, к тому же полукровкой. Кузен, видно, и впрямь был «не от Мира сего», раз решил породниться с лесным народом. О короне он и его потомки могут забыть поколений, эдак, на пять, если не больше – «деревяшек» в Аркане не слишком жалуют.

Эдарген еще раз пробежал глазами прошение: избранница Эйвинга-младшего была уроженкой Ледо, а-а-а... та самая новая ленна, которую привез представить ледский жрец.

Король поморщился. Его отец освободил лесные общины от большей части дани – щедрость, больше напоминающая расточительство! Он как раз собирался обсудить с Хранителем Священной рощи отмену льгот – армия требовала денег, и еще раз денег. По традиции ленна должна была выйти замуж за жреца: вряд ли тому понравится, что его невесту увел королевский кузен, это может сделать несговорчивым хоть кого. С другой стороны, Эдарген был уверен, что лесные общины все равно так просто от своих привилегий не откажутся. Что ж, если солдаты хотят получить свое жалованье, им придется прогуляться за ним в Ледо! А если Акель женится на этой... (как ее там?) Мирре Раките, то его можно смело вычеркивать из списка соперников.

Правитель Соединенного королевства извлек из подставки новое золотое перо и размашисто (так учил его отец: «Росчерк короля не должен быть робким!») вывел в правом нижнем углу: «Не возражаю! Эдарген Пятый». Изящный завиток в конце имени протянулся к самому краю листа.

Одно дело было сделано, но оставалась масса других, куда менее приятных, король вновь с неприязнью воззрился на гору счетов.

Бал по случаю «Середины зимы» вышел не совсем такой, каким представляла его себе Мирра. Все ее знания о подобных мероприятиях основывались на книгах, даже рассказов оче-

² Наименование княжеств, вошедших вассалами в Соединенное королевство.

видцев она никогда не слышала, потому что никто из их деревни никогда не бывал на балах. (Ну, может, Иллис и бывал, но не станешь же расспрашивать о подобных пустяках жреца?!) Так вот, в книгах, когда главная героиня входит в зал, все замирают и восхищенно впиваются в нее взглядами. Мужчины хватаются за пронзенные любовью сердца, а женщины от зависти зубами рвут платки и другие аксессуары. Героиня, естественно, ослепительно хороша (не важно, брюнетка она или блондинка) и одета лучше всех дам в зале. Ничего подобного с Миррой не случилось. Жрец категорически не одобрял затею с балом, но отказаться от приглашения не смог – присланная карточка была подписана королем. Этикет требовал надеть на бал новое платье, но, кроме того, что Мирра уже надевала на прием к королю, у нее ничего не было. Поэтому, появившись среди разодетых дам в «старом» наряде, Мирра чувствовала себя неловко. Утешало только то, что не все собравшиеся были на том самом королевском приеме и, если уж говорить правду, на их с Иллисом появление в бальном зале никто не обратил особого внимания. Играла веселая музыка, по мраморному полу между колоннами неслись, сверкая драгоценностями и развевая ленты, танцующие пары. Мирра не знала этого танца и только теснее прижималась к одной из колонн в углу. Через некоторое время ей стало казаться, что она уловила последовательность и ритм движений, но никто даже не пытался пригласить ее на танец.

Здесь их и разыскал лорд Акель...

Нет, бал оказался совсем не таким, каким она себе его представляла, но к концу вечера девушка получила от лорда Эйвинга неожиданное предложение руки и сердца и ответила на него согласием.

Итак, она согласилась выйти за Акеля Эйвинга, которого и видела-то всего три раза. Иллис ничего не мог сделать, Мирра не вернулась с бала, она осталась в доме у своего нового жениха, утром тот прислал в посольство лакея за ее вещами. Почтенный служитель Фермера впервые в своей жизни попал в подобную ситуацию. При всей его мудрости он понятия не имел, что следует делать в таких случаях. А потом его вызвал король, и бывшему жениху стало не до устройства собственного брака.

Мирра поселилась в родовом замке Акеля. Он возводился, чтобы стать одним из укрепленных пунктов на границе города, но с тех пор Сан-Аркан сильно вырос и городские улицы захлестнули замок, оплетая его своим серпантинном. Несмотря на то что Эйвинги были второй по родовитости фамилией в королевстве, район, где высилась их цитадель, был не самым уважаемым. Совсем недалеко шумел рынок, а на соседних улицах селились в основном торговцы да открывали свои заведения трактирчики.

«Твердыня Эйвингов» поражала размерами каминов и высотой потолков. Вдоль стен в длинных коридорах тут и там стояли «чучела рыцарей» (как про себя назвала их Мирра), с балок спускались старинные и оттого довольно выцветшие гобелены. Безусловно, именно так и должен выглядеть солидный родовой замок, хотя, пожалуй, ленна Ледская предпочла бы что-нибудь более светлое и уютное. К тому же в замке не оказалось водопровода. Зато по первому зову колокольчика являлись служанки с полными кувшинами горячей воды, так что на отсутствие в замке источника можно было не обращать особого внимания.

Миррина чистоплотность до крайности раздражала прислугу. «Где это видано мыться по два раза на день, и это горячей, замечу я вам, водой!» – сетовала кухарка, которой теперь приходилось постоянно держать на огне огромную кастрюлю с кипятком.

Если отбросить скрытую неприязнь прислуги, сквозняки в спальне и почти полное отсутствие друзей, существование в доме Эйвингов можно было считать вполне сносным. Главное же, чем оно скрашивалось, была искренняя, хотя и несколько неожиданная любовь Акеля. Он был настоящим рыцарем и даже не пытался домогаться своей возлюбленной до свадьбы, а объявление о помолвке отложил ровно на то время, которое потребовалось, чтобы испросить разрешение короля на брак. Едва оно было получено, Мирру в новом, сшитом специ-

ально для этой церемонии платье представили многочисленной титулованной родне жениха. Девушке, правда, показалось, что родственники не слишком одобрили выбор Эйвинга-младшего, но присутствие на помолвке короля лишило их возможности покритиковать невесту.

В общем, дело стремительно шло к свадьбе, и лесная жительница искренне радовалась счастливой перемене в своей судьбе. Только иногда вечерами ее неожиданно охватывал страх. Правильно ли она поступила, так быстро согласившись стать женой Акеля? Но ведь он был рыцарем ее мечты, а мечте не говорят «Нет!», если, конечно, не хотят потом доживать свой век в глуши и в пустых сожалениях об упущенных возможностях.

Вейл вместе с Эдаргеном присутствовал на помолвке королевского кузена. Он считал такие «милые семейные мероприятия» донельзя тоскливыми, но король настаивал, ему хотелось похвастать тем, как удачно он простым разрешением на брак устранил с пути своего основного конкурента.

Однако едва молодая пара появилась на почетном месте, как министр забыл о скуке. Тысячу раз он видел молодого лорда Эйвинга, разговаривал с ним, сидел рядом на приемах. Он знал о нем и о его жизни (как, впрочем, о жизни всех мало-мальски заметных фигур в королевстве) едва ли не лучше самого Акеля, но сегодня что-то новое появилось в юноше. Вейл подключил свое колдовское зрение – ничего необычного, парень как парень. И все же министр был уверен, что за секунду до этого почувствовал в воздухе нечто этакое... как если бы... Маг мысленно плюнул с досады, ощущение было слишком мимолетным, чтобы можно было описать его. Он еще раз пристально взгляделся в молодого лорда. На том не было ни одного магического предмета, его мана была самого обычного бледно-зеленого цвета (как у большинства обывателей), и, только когда министр уже решил вернуться к обычному зрению, он неожиданно и совершенно отчетливо увидел, как над челом Эйвинга-младшего соткался тонкий сверкающий венец с тремя зубцами. Не узнать его было невозможно, точно такая же корона из чистого золота украшала в это же самое время лоб Эдаргена Арканского.

Весь обратный путь в карете Вейл задумчиво молчал. Не нужно быть великим магом, чтобы прочесть сегодняшнее знамение. На приеме он видел будущего короля Сан-Аркана. «Вернее, того, кто может им стать! – поправил сам себя маг. – Потому что узнавший судьбу может с ней поспорить. Неизвестно, правда, к добру это приведет или к худу». Итак, министр имел возможность выбирать из двух владык Сан-Аркана: потенциального и действующего. Нынешний король бывал временами излишне строптив, порой даже Вейл не мог добиться от него нужных действий без помощи магии. Ну а Акель? Маг задумался. «Нет! Парень был излишне романтичен». К тому же министр только-только приручил Эдаргена, и начинать все сначала с Эйвингом не имело смысла. Еще несколько минут ушло на то, чтобы решить, стоит ли посвящать короля в свои планы. Возможно, следовало заставить этого чистоплюя слегка замарать ручки кровью, все-таки речь шла именно о его короне. Но в конце концов Вейл решил, что дешевле обойтись своими силами. Король мог промешкать, а Судьба, судя по всему, уже принялась вышивать новый узор на своем полотне, как бы завтра не было поздно!

Мирра бесцельно ходила по комнате, собирая и вновь выкладывая из дорожной сумки вещи. С момента смерти Акеля Эйвинга прошло меньше двух дней. Странная болезнь скосила его стремительно и беспричинно, пролежав неделю в бессмятстве, он тихо скончался в своей постели, в родовом замке, на руках у врачей. Все эти дни ее даже близко не подпускали к комнате Акеля, поэтому взглянуть на него в последний раз ей удалось только на похоронах, да и то издали. «Любимые родственники и слуги» бдительно следили за тем, чтобы ее не допустили к гробу. Они бы и вовсе не пустили ее на церемонию погребения, но все же она была ленной из Ледо, и они не решились публично оскорбить «высокородную даму». Тем не менее ей потребовалось немало смелости, чтобы просто войти в зал, где на постаменте стоял гроб с телом

молодого лорда. Пока она шла к Акелю мимо шеренги родственников, друзей, ближайших соратников умершего, его слуг и еще кучи всевозможных прихлебателей, всегда присутствующих на похоронах, – вся эта свора с едва сдерживаемой ненавистью прожигала ее взглядами и перешептывалась. Чтобы не растерять мужества, Мирра как можно выше подняла подбородок и старалась смотреть только перед собой, на постамент. Но, как только она достигла первой линии траурного караула, откуда-то сбоку вынырнул дядя лорда – Эйхарт Эйвинг и, схватив ее за локоть, буквально выволок в задние ряды скорбящих. Там он наконец отпустил девушку и, пробормотав что-то угрожающее, исчез в толпе. Смелости на второй проход через зал у Мирры уже не хватило, она с трудом достояла до конца церемонии в задних рядах прощающихся с Акелем, а взглянуть на него смогла, только когда катафалк проносили мимо, к выходу. На улице гроб водрузили на погребальную колесницу, и восемь черных коней медленно повлекли ее к кургану, специально насыпанному на южной окраине города. Там тело предадут огню, а прах отдадут родственникам или поверенным умершего.

Едва траурная колонна двинулась за колесницей к месту погребального костра, Мирра, покинувшая зал одной из последних, проскользнула в свою комнату. В замке, полном враждебно настроенной к ней челяди, она не горела желанием ни с кем встречаться. В комнате ее ждала личная камеристка – Бинош. Судя по испуганному лицу, для этой девушки последние несколько дней также не были самыми счастливыми.

Считая, что Мирра вот-вот станет лариссой (владетельной дамой) Эйвингов, Бинош, пожалуй, чересчур заносчиво вела себя со слугами на кухне, намекая им, что является любимицей своей госпожи и после женитьбы лорда Эйвинга неизбежно возвысится вместе со своей хозяйкой. Смерть жениха-лорда³ положила конец ее надеждам, и теперь горничная опасалась, что на той половине дома, где селилась прислуга, ее ожидает, мягко говоря, прохладный прием. Более того, она подозревала, что не избежать побоев, а то и кастрюли крутого кипятка в лицо. Все эти мысли последние два дня заставляли девушку почти неотлучно сидеть в комнате своей хозяйки, показываясь в служебных пристройках только в случаях крайней необходимости.

Войдя в спальню и обнаружив там Бинош, Мирра обрадовалась. Камеристка была единственным здесь человеком, не питавшим к ней ненависти.

Еще накануне ночью ленна решила, что сразу после похорон покинет замок, переставший быть для нее гостеприимным. У нее были деньги и драгоценности, подаренные женихом, однако последние она сразу решила оставить родственникам лорда, резонно опасаясь обвинений в воровстве, хотя все украшения были официально преподнесены ей в день помолвки. Однако имевшейся в ее распоряжении суммы денег, по расчетам Мирры, должно было хватить на путешествие в Ледо в компании камеристки (если та пожелает): девушка же была ей сейчас просто необходима, так как несостоявшаяся невеста совсем не знала города и понятия не имела, к кому обращаться с тем, чтобы ее доставили в деревню.

Она кратко изложила свой план, и та сразу дала согласие следовать со своей хозяйкой, куда она пожелает. Сердце Мирры наполнилось благодарностью, а глаза слезами. Все эти дни она старалась держаться гордо, как подобает ленне, не позволяла себе плакать на людях (чем вызвала еще больше злобных пересудов), с независимым видом отвечала на завуалированные выпады Родственников Акеля, не упуская возможности шепнуть ей гадость. И все это время, с момента начала болезни лара, она была совсем одна, снедаемая беспокойством за здоровье Акеля, не способная преодолеть запрет докторов и пробиться к нему в комнату. Ее первая любовь была совсем из другого, незнакомого ей мира важных господ и сложных церемоний. Пока Мирра жила в замке, жених составлял практически весь круг ее общения, за исключением мимолетных знакомств с какими-то его родственниками или друзьями. Все они не одобряли выбор лорда, но при нем тщательно скрывали свои чувства. А как только моло-

³ Лорд – лар по-староаркански.

дой Эйвинг слег, они приложили все силы, чтобы отдалить его от невесты. Комната больного охранялась от нее не хуже, чем казна в королевском банке. Так что, хотя Акель и лежал по соседству от ее спальни, отделенный всего лишь стенами, ни помочь ему, ни обнять, ни принять его последний вздох она не могла. Поделиться горем ей тоже было не с кем. Никто из родственников или знакомых больного не поддержал ее и не сказал ни одного доброго слова. Напротив, в последние дни их враждебность достигла такой степени, что ей пришлось собрать все силы и выдержку, чтобы избежать открытых конфликтов и продолжать жить в замке. Всю эту неделю она каждый день надеялась, что юноша выздоровеет, в мельчайших подробностях представляя, как он ворвется к ней в комнату, обнимет, поцелует, и мир снова станет прекрасным и дружелюбным, и все проблемы исчезнут сами собой, они поженятся, будут жить долго и счастливо и умрут в один день. Только так и могло быть, она верила в это всем сердцем. Однако вчера утром одинокий удар колокола на башне замка, а затем и герольд возвестили, что семнадцатого лорда клана Эйвингов из Сан-Аркана не стало. С этим же ударом колокола солнце для Мирры погасло, Мир стал черным. Сердце несчастной разрывалось от боли, но плакать она, как ни странно, не могла.

Бинош единственная заботилась о ней, а теперь вот согласилась сопровождать в Ледо, проявив совершенно не заслуженную ею (по мнению Мирры) доброту и верность. Слезы, вызванные благородным поступком камеристки, прорвали «плотину», и она бросилась на кровать, оплакивая Акеля, свою несчастную любовь и свою жизнь, которая, как ей казалось, окончилась не начавшись.

Пока хозяйка рыдала, горничная, выполняя ее поручение, стала собирать вещи в дорогу. Сказать по правде, ее желание следовать за госпожой было вызвано не только верностью или любовью, но и вполне практическими соображениями насчет последствий ее возвращения к бывшим друзьям-лакеям на кухню. Впрочем, камеристка действительно была доброй девушкой, искренне сочувствовала Мирре, считая, что судьба обошлась с ней излишне жестоко, лишив возлюбленного накануне свадьбы. «Да еще какого возлюбленного, – про себя думала Бинош, собирая в баул старые платья, – самого выгодного жениха во всем королевстве: красавца, уже прославленного, несмотря на молодые годы, воина, владетельного хозяина тридцати свободных леннов на юге королевства».

Несостоявшаяся жена лорда Эйвинга имела с десятков нарядных платьев, расшитых золотом, серебром и драгоценными камнями, подаренных женихом. Однако Мирра категорически запретила брать с собой эту одежду, собираясь оставить ее вместе с драгоценностями родственникам умершего. Оценив размеры дорожных сумок-баулов, служанка пришла к выводу, что решение не брать с собой тяжелые пышные платья не лишено смысла, однако драгоценности, по ее мнению, взять было просто необходимо. Жадным родственникам Акеля и так будет, чем погреть руки.

Старый Элассер, оруженосец Акеля, ворвался в спальню, бряцая вооружением, которое он не снимал даже в замке. Булава, висевшая на его поясе, ударялась о кольчугу. Лицо воина, и без того красное от мелких лопнувших кровеносных сосудов, сейчас отливало багрово-синим: частью – от гнева, душившего его, частью – от выпитого на тризне эля.

– Ты еще здесь, ведьмино отродье, – брызгая слюной, закричал он, – хочешь поглотиться над горем верных слуг, потерявших хозяина, радуешься, что свела его в могилу, гнусная тварь!..

По внешнему виду Мирры, невольно отскочившей при появлении Элассера в дальний угол комнаты, подальше от его больших красных кулаков, никто не сказал бы, что она радуется. Ее обычно бледное лицо сейчас имело нездоровый красноватый оттенок, глаза и щеки опухли от слез, губы дрожали в преддверии нового приступа рыданий. Однако старый вояка не был склонен замечать чужого горя, коль скоро он упивался собственным. Для себя он уже решил, что причина несчастий дома Эйвингов, так же, как и причина болезни, унесшей жизнь

последнего лорда, находится здесь, в этой комнате и воплотилась в молодой женщине, неожиданно поселившейся в замке два месяца назад. «Змея» и «ведьма» были еще самыми мягкими именами, которыми он величал невесту своего господина. Конечно, при жизни хозяина он не осмеливался называть так Мирру даже шепотом, но теперь, когда это «отродье гиены» свело Эйвинга в могилу, наконец получил возможность выплеснуть ей в лицо все, что у него накопило. Кроме того, слуга был твердо намерен отомстить за своего «уморенного» хозяина.

Элассер шагнул к ней, его короткие крепкие руки были сжаты в кулаки, совсем близко от своего лица Мирра увидела нагрудник с гравированным медведем, медведь в ярости разевал пасть, с зубов его стекала слюна, совсем как сейчас с губ оруженосца. В одно мгновение Мирра поняла, что значит выражение «дрожь в коленях», до этого она никого и ничего так не боялась, как сейчас этого пьяного мужлана. Не иначе как от страха, Мирра шагнула навстречу оруженосцу и, не хуже него брызгая слюной, прошипела в красно-сизое лицо:

– Пошел вон, худородная дрянь! – Мирра не знала, откуда всплыло это выражение. – Как смеешь ты без разрешения входить в покои ленной дамы! Я заставлю тебя вспомнить свое место! Вон! – Мирра сделала шаг вперед, и, к ее изумлению, Элассер попятился к выходу. Еще несколько шагов, и оруженосец оказался за порогом, не растерявшаяся Бинош со стуком захлопнула дверь прямо перед его носом и наложила засов. Мирра без сил привалилась к стене, она не могла поверить, что Элассер отступил. Камеристка подслушивала, прижав ухо к двери.

– Ушел, – через минуту сообщила она. – Нам пора уходить, госпожа!

Мирра была с ней полностью согласна. Предприняв невероятное усилие, она оторвалась от стены, схватила свой старый баул, в котором лежали вещи, привезенные из Ледо. Помощница подхватила остальные узлы и сумки. Они осторожно приоткрыли дверь и убедились, что длинный коридор пуст до самого конца. На улице стоял день, но в каменном проходе, лишенном окон, было темно, подхватив юбки, девушки почти бегом достигли лестницы, спустились на четыре пролета вниз, потом вполне благополучно преодолели маленький холл, отделявший лестницу от бокового выхода во двор. Оставалось пересечь маленький дворик до калитки в стене, выходящей в переулочек рядом с рыночной площадью. И тут удача изменила им, Элассер и еще несколько гостей, приглашенных на поминки Эйвинга, вышедшие на замковую стену не иначе как справить малую нужду на головы горожан, заметили двух пробиравшихся по двору девушек.

Оруженосец уже опомнился от странного замешательства, охватившего его в комнате Мирры, и как никогда жаждал мести.

– Смотрите, ведьма хочет сбежать! – закричал он со стены, и люди в переулочке и на площади стали оборачиваться.

Девушки как раз достигли калитки и, с трудом отвалив тяжелый засов, выбрались на улицу.

– Никак она задумала насрать порчу на весь город!

Прохожие стали отшатываться от беглянок. Как назло, камеристка уронила свою поклажу и все никак не могла вновь собрать сумки. Мирра остановилась помочь ей.

– Люди, не дайте уйти им! Бей ведьму! Бей!

– Бей ведьму! – нестройно подхватили пьяные голоса на стене.

Вокруг девушек быстро собиралась толпа, горожане неодобрительно переговаривались, показывая на них пальцами и пряча за спину любопытных детей.

– Сограждане, своим колдовством она свела в могилу нашего лорда! Не позволяйте ей и дальше творить злое заклятье! Вспомните закон! Бей ее!

– Бей ведьму! – закричали в толпе, и в Мирру полетел первый камень. Ей, правда, показалось, что прилетел он не из толпы, а со стены замка. Булыжник больно ударил ее в левую лодыжку, чуть выше косточки. От резкой боли и неожиданности девушка упала на одно колено, это спасло ее от удара еще двух камней, просвистевших мимо головы. Она невольно потяну-

лась руками к месту, куда попал камень, но тут же получила еще один удар, теперь в плечо, со спины. К счастью, на этот раз в нее швырнули всего лишь огрызком яблока, на мощеной площади в центре города было совсем немного просто так валяющихся булыжников. Тем не менее беглянка не испытывала иллюзий насчет своей судьбы, она слышала, что в Сан-Аркане ведьм принято забивать камнями, и не сомневалась, что для нее булыжники отыщутся. Прикрыв лицо рукой, она огляделась сквозь пальцы, толпа, хотя и редкая, окружала их уже со всех сторон, Бинош, пытавшаяся, бросив баулы, прорваться сквозь этот круг, была кем-то схвачена и отброшена назад, к своей хозяйке, под град гнилых овощей и булыжников. Пока что, кроме первого попавшего в ногу камня, Мирра серьезно не пострадала, но ее тело заранее сжималось, с ужасом предощущая грядущие удары. Даже не будь у нее перед глазами примера подруги, ленна вряд ли попыталась бы бежать. Страх сковал ей ноги, к тому же она не так уж и жаждала жить, единственное, чего желала, это чтобы первый же булыжник угодил ей в голову и избавил от мучений. Однако не с ее везением было ждать подобной милости небес.

Обреченная сжалась, стоя на коленях, пригнув голову и зачем-то прикрыв уши руками. Она ждала неизбежной боли и уговаривала себя принять ее, ибо в сложившихся обстоятельствах это был единственный путь к милосердной смерти. Бинош между тем продолжала метаться, криками призывая толпу к жалости, но явно не находя поддержки. Со стены замка все так же слышались обличительные вопли Элассера, толпа что-то бубнила в ответ. Все эти крики мешали Мирре сосредоточиться и подготовиться к последнему испытанию. Каменный град между тем все не спешил обрушиться на ее тело, и девушке захотелось поднять голову и посмотреть, что тому причиной. Но страх не позволял оторвать лицо от колен. Она усилием воли распрямила шею, в этот момент метко брошенный камень рассек ей висок и погрузил, наконец, сознание несчастной в желанную темноту. Она не видела, как высокий седой мужчина в коричневом плаще, до того, оказывается, уговаривавший толпу не творить самосуд, шагнул к ней и поднял с земли завалившееся на бок тело. Потом он понес ее на руках сквозь толпу, и люди, хотя и неохотно, все же расступались перед ним. Сзади, хватаясь руками за коричневый плащ и всхлипывая, тащила Бинош. Никто не попытался задержать их или отобрать у мужчины его ношу, так что он беспрепятственно покинул площадь и вскоре, сопровождаемый поскуливавшей камеристкой, скрылся в одном из переулков, ведущих к морю. На площади остались валяться раскрывшийся дорожный баул да несколько узлов с одеждой. Зеваки и местные воришки было двинулись к разбросанным вещам, но тут с лязгом распахнулась железная дверь «Твердыни Эйвингов», краснолицый толстяк, сопровождаемый четырьмя копыеносцами, быстренько сгреб с мостовой пожитки и унес их в замок. Разочарованные зеваки понемногу разошлись.

В двух кварталах от площади седой мужчина в теплом коричневом плаще устало привалился к стене, с трудом удерживая на руках бесчувственную девушку.

– Эй ты, как тебя там, – хрипло от натуги проговорил он, обращаясь ко второй спутнице, опустившейся рядом и растиравшей по лицу слезы полкой его плаща, – брось скулить и помоги мне.

Взглянув в рассерженное лицо их нежданного спасителя, та подавила очередное рыдание, выпустила плащ и помогла незнакомцу взвалить тело пострадавшей на плечо. Тот немного отдышался, и они продолжили путь в том же порядке. Пройдя еще четыре квартала и дважды сменив направление, необычная процессия наконец достигла цели своего путешествия – низкой каменной хижины, зажатой между двумя двухэтажными домами, в одном из которых размещался трактир, в другом – пекарня. По приказу незнакомца Бинош пошарила у него в карманах и отыскала старый железный ключ. С его помощью, не без труда, она открыла покосившуюся дверь в хибару, и незнакомец, шагнув через порог, смог наконец положить на лавку свою ношу. Девушка начала приходить в сознание...

Открыв глаза, Мирра не сразу поняла, где находится, вернее, вообще не поняла: ни сразу, ни потом. Она лежала на жесткой лавке, над головой нависал довольно низкий каменный потолок, на котором плясали отблески пламени из открытого очага. Пахло пылью, сыростью, дымом от сырых дров и чем-то еще, тоже не слишком приятным.

Несчастливая прекрасно помнила, как ее хотели забить камнями на площади, когда она пыталась покинуть замок Эйвингов, следовательно, место, где она находилась, было подвалом замка или даже тюрьмой. Страх вновь мучительно сжал бедняжке сердце, она дернулась, пытаясь встать и осмотреться. От этого движения голову тут же прожгла такая боль, что в глазах потемнело и к горлу подкатила тошнота. Девушка зажмурилась. Когда спазмы в пищевод и головная боль немного отпустили, она вновь, теперь уже осторожно, боясь сделать лишнее движение веками, приоткрыла глаза. Над ее ложем склонился мужчина, кожа на лице у него была смуглая, выдубленная ветром и солнцем, отчего не сразу становились заметными длинные морщины под глазами и на лбу. Выбеленные сединой волосы еще больше подчеркивали темный цвет лица. Взгляд карих глаз казался строгим и твердым. Лицо это показалось Мирре смутно знакомым, но вспомнить, откуда, она не смогла.

– Ты пришла в себя? – Мирра не рискнула кивнуть, но мужчина, видно, и так понял. – Меня зовут Эйнар. Тебе попали камнем в голову, думаю, ты получила сотрясение. В таких случаях лучше несколько дней спокойно отлежаться, так что постарайся не двигаться. Беспокойся не о чем, у меня ты в безопасности.

Мужчина говорил тихо, но в голосе его сквозила та же твердость, что и во взгляде. Мирра не нашла в себе сил ни поблагодарить странного незнакомца, ни расспросить его о том, что же произошло на площади, после того как она потеряла сознание. В голове ее с периодичностью ударов сердца продолжала пульсировать боль. Время от времени волнами накатывала и отступала тошнота. Девушка закрыла глаза и погрузилась в мир своих ощущений. Вскоре ей показалось, что на выдохе сердцебиение словно бы замедляется и боль слегка стихает. И она стала стараться делать короткий вдох и длинный выдох. Однако долго придерживаться такого дыхания ей не удалось: после нескольких коротких вдохов она начала судорожно втягивать воздух, и в голове словно взорвалась бомба. Пришлось дышать как обычно. Немного погодя, несмотря на пульсирующую боль и приступы тошноты, раненая заснула. Проснулась она от сигналов, которые подавал полный мочевого пузыря. Очаг погас, но в комнате было довольно светло, серый утренний или вечерний свет лился из недоступного взгляду больной окна. Мирра попыталась сесть, но новый мучительный приступ тошноты и головной боли свалил ее на ложе. Когда она смогла открыть глаза, то сквозь выступившие от боли слезы снова увидела склонившегося над ней седого мужчину, он пытался уложить ее на спину, но Мирра, преодолевая тошноту, объяснила, что должна встать. Тот кивнул, помог ей подняться, довел до чулана и придерживал за локти, пока она не облегчилась. В другое время молодая особа сгорела бы со стыда, но сейчас для нее не существовало таких понятий, как «прилично», «не прилично». Весь мир был заполнен черной, расширяющейся болью, гнездившейся у нее в черепе и пытавшейся вырваться из него через затылок. В туалете у раненой снова свело судорогой желудок, но, когда она попыталась отрыгнуть его содержимое, голова отозвалась такой болью, что она поневоле и думать забыла о желудке. Эйнару снова на руках пришлось оттащить ее на лежанку. Там она кое-как отдышалась и через некоторое время вновь погрузилась в забытие.

Так прошло четыре дня. Мирра неподвижно лежала на жесткой лавке, спина ее невыносимо ныла и горела, но попытки улечься поудобнее вызвали боль гораздо сильнее. Время от времени Эйнар приносил ей какое-то питье, оно было теплое и довольно противное на вкус, но после его приема тошнота и головная боль на время стихали и Мирра засыпала. Еще время от времени были мучительные походы в туалет, но к третьему дню они практически прекратились, так как кроме лекарства больная больше ничего не пила и не ела. Все это время она

почти не разговаривала и практически ни о чем не думала. Когда просыпалась в промежутках между приемами лекарства – лежала, глядя в серый потолок или вовсе не открывая глаз, и в голове ее была странная пустота. Она не вспоминала ни родной ленн, ни свою жизнь с Акелем, ни события последних дней, а могла лишь считать удары сердца и разглядывать странную вязь узоров, образованную трещинами на потолке.

Проснувшись на пятый день, девушка обнаружила важную перемену: открыв глаза, она не ощутила обычный укол боли в голове. Ныли мышцы в затекшей шее, и, когда она попробовала чуть-чуть повернуть голову, снова ничего не произошло. Мирра закрыла глаза, боясь спугнуть блаженное ощущение свободы, потом вновь открыла их и с радостью убедилась, что боль не возвращается. Медленно, очень медленно она повернулась на бок и наконец смогла как следует рассмотреть комнату, где лежала. Кроме ее лежанки в ней был еще сбитый из досок стол, длинная низкая скамья и старый шкаф-поставец справа от закопченного камина. Недалеко от лежанки в стене находилась дверь, ведущая, видимо, прямо на улицу, а рядом – небольшое, без всякого переплета окно. Напротив входа в стене имелась еще одна дверь, из чего девушка заключила, что дом состоит как минимум из двух комнат. Она недолго была одна, через несколько минут скрипнули дверные петли, и из соседней комнаты появился ее спаситель. Окинув пациентку спокойно-строгим взглядом, он удовлетворенно констатировал:

– Пошла на поправку, – и протянул знакомую кружку с пахучей жидкостью.

До злополучного удара камнем ленна Ледо ни разу в своей жизни серьезно не болела, теперь она открыла, что просто чувствовать себя здоровой – уже счастье. Казалось, вместе с болью ее покинули и скорбь о потере Акеля, и даже любовь к нему. Несколько дней Мирра наслаждалась этой вновь обретенной свободой, она была еще слишком слаба и продолжала почти все время проводить на лежанке в хижине. Но спустя неделю после происшествия на площади она достаточно окрепла, и вместе с силами к ней вернулось беспокойство о своей дальнейшей судьбе. Эйнар был необычно добр к ним с Бинош, которая, оказывается, тоже жила в его доме, только на весь день уходила подрабатывать официанткой и посудомойкой в соседний трактир. Стоило только задуматься об этом, как доброта Эйнара стала казаться ей противоестественной. С одной стороны, элементарная благодарность не позволяла плохо думать о своем спасителе, с другой – ее терзали самые разные подозрения – одно страшнее другого. Мирра не желала мучиться сомнениями, поэтому утром восьмого дня, когда лекарь помог ей устроиться за столом для завтрака, удержала его за рукав.

– Почему вы помогаете мне... нам? – спросила она, вглядываясь в его непроницаемое лицо. Эйнар ответил ей не менее внимательным взглядом.

– Не из корысти, – после паузы ответил он, потом пояснил: – Это трудно объяснить, ну, скажем, из научного интереса.

Мирра подозрительно сощурила глаза:

– Вы лекарь?

– Нет, – Эйнар сел и отрезал всем по куску сыра, потом чуть насмешливо, как ей показалось, взглянул на Мирру. – Не нужно волноваться, твоей чести ничего не угрожает, вы обе можете уйти отсюда в любое время. И никакой платы за свою помощь я не требую.

Мужчина принялся неторопливо жевать.

Мирра покраснела, у нее действительно мелькнула мысль, что Эйнар потребует расплатиться телом за предоставленный приют. Акель своей любовью заставил ее забыть, что в глазах здешних жителей, впрочем, как и жителей собственной деревни, она выглядит дурнушкой. Признанным эталоном красоты горожане считали высоких блондинок с кожей золотистого оттенка, голубыми глазами и осиной талией. Ни под один из этих параметров Мирра не подходила. Она была невысока ростом да к тому еще полновата, хотя и сложена пропорционально. Темно-русые, невыразительного оттенка волосы обрамляли бледное лицо с отчетливо видимыми веснушками. Единственным своим достоинством Мирра считала глаза глубокого зеле-

ного оттенка, напоминающего редкий сорт мха, растущий в их долине, но никто из мужчин (до Акеля) не брал на себя труд рассматривать ее глаза, коль скоро фигура девушки их не устраивала. Мирра напомнила себе, как непривлекательно выглядит, так что вряд ли кто позарится на ее женские прелести.

В комнату вошла Бинош и подседа к столу. Мирра покосилась на служанку, слышала ли она их разговор? Но та, судя по всему, их беседой не интересовалась. Она уминала хлеб с сыром, поминутно посматривая в маленькое оконце – не начали ли посетители подтягиваться к трактиру, тогда ей следовало бежать обратно. Ленна опустила глаза, ей было стыдно – как-никак камеристка отработывала свой постой у их спасителя, в трактире ей не так уж плохо платили, да к тому же она бесплатно получала еду. А сама Мирра больше недели как бесполезный куль пролежала на лавке, не способная себя обслужить, не то что помочь по хозяйству. Все ее имущество (деньги, полученные от жреца и от Акеля, носильные вещи, безделушки, прихваченные из дома) осталось на злополучной площади, откуда она, да и то не сама, едва унесла ноги. Никаким особым ремеслом Мирра не владела (ну, не считать же ремеслом ее упражнения с молотом в их домашней кузне) и как прокормить себя в чужом городе – понятия не имела. Пока она болела, об этом можно было не думать. Но теперь она поправилась, так что пора и честь знать. Необходимость покинуть хоть бедное, но такое надежное и уже ставшее привычным убежище вызвала у Мирры ужас. Предыдущей ночью она даже всплакнула по этому поводу.

Со стороны трактира донесся звон наддверного колокольчика, Бинош доела свой завтрак и, на ходу выпив кружку горячего отвара, выбежала на улицу. Мирра продолжала сидеть за столом.

– А какой у вас научный интерес? – робко спросила она.

Эйнар поудобнее уселся на лавке, положил локти на стол, что, видимо, было приготовлением к долгому разговору. Последние дни он почти не отлучался из дому, и девушка плохо представляла, чем он зарабатывает себе на жизнь.

– Уже пять лет я служу гильдии купцов привратником на Рыночной площади, – начал рассказ собеседник, и наконец стало понятно, почему его лицо казалось знакомым. Она по нескольку раз на дню проходила мимо Рыночных ворот, расположенных недалеко от «Твердыни Эйвингов». – Но так было не всегда! – По лицу Эйнара словно пронеслась тень, и глубже обозначились складки по бокам рта. – Десять лет назад я жил в Люцинаре⁴ – этот город далеко на севере отсюда, он не входит в Соединенное королевство. Здесь, в Сан-Арконе не жалуют колдунов и ведьм, а в Люцинаре они пользовались большим почетом, ведь тамошние маги сотни лет ограждали город от набегов диких кочевников из Северной пустыни. С семи лет я был учеником у одного такого мага. Великий Аргол был искуснейшим волшебником, и я, как его ученик, тоже подавал большие надежды. К семнадцати годам я в совершенстве постиг искусство инозрения, создания иллюзий и переселения душ. Я знал почти наизусть «Большую Книгу Заклинаний» и «Дополнения», написанные к ней моим учителем, а также собственноручно составил «Каталог магических растений», в котором систематизировал сведения о наиболее часто применяющихся в заклинаниях цветах и травах. Впереди меня ждало посвящение и блестящее, как я полагал, будущее. Надежды эти были не беспочвенны: по мнению всех городских магов, я обладал необычайно сильной, хотя еще и недостаточно расширенной маной. Ты знаешь, что это такое? – Она отрицательно покачала головой. – Это свойство, присущее каждой вещи или человеку. Только в природе оно сильно рассеяно, а у людей – сконцентрировано. Маги, владеющие инозрением, наблюдают ее в виде язычка пламени, встающего у человека над затылком. Когда Аргол научил меня видеть скрытое, он объяснил, что по цвету пла-

⁴ Люцинар – в переводе с местного наречия «Город радуг», получил свое название благодаря северному сиянию, которое здесь не редкость.

мени можно определить, как сильна твоя мана. Самая сильная – фиолетового цвета, потом – голубая, зеленая, розовая... У простых людей она похожа на огонек свечи, а у волшебника – расширяется кверху. Мой «огонек» был цвета морской волны.

Эйнар остановился, подвинул к себе кружку с отваром и отхлебнул.

– Знаешь, почему Сестру-Смерть иногда называют Гасильницей? – неожиданно спросил он, и Мирра подумала было, что он решил сменить тему разговора, она неопределенно пожалала плечами. – Это потому, что, когда человек умирает, его «огонек» гаснет. Человек, исчерпавший свою ману, жить не может, вот и считается, что Смерть серебряным колпачком гасит пламя, и душа человека дымком поднимается в мир теней.

Мирра невольно провела рукой у себя по затылку и вздрогнула.

– Не бойся, – грустно усмехнулся Эйнар – это просто легенда. Так вот, если человек не творит заклятья, то даже очень небольшой маны хватает на долгую жизнь, ну, а если начнет колдовать – то даже сильной надолго не хватит. Поэтому маги бережно расходуют собственную силу, и если кто-то просит их об услуге, то для сотворения заклятья они используют энергию просителя. В этом и есть искусство мага – пользоваться маной того, для кого творишь заклинание.

Эйнар взглянул на Мирру, та сидела широко раскрыв глаза, явно захваченная его рассказом.

– Бывают маги, – продолжал Эйнар, – что берут у человека гораздо больше этой энергии, чем требуется для исполнения его просьбы. Обычно проситель этого не замечает, но есть и такие, что начинают болеть, а бывало, что и умирают. Так что не зря за помощью к магу идут в самом крайнем случае. Но мой учитель был не такой, он никогда не брал у своих посетителей «двойной платы» – так это называют волшебники. Если у человека было «слабое пламя», он мог и вовсе отказать ему в просьбе или просил помолиться за него всем кланом и брал понемногу силы у каждого из родственников просителя. Одним словом, его называли Аргол Добрый или Аргол Мудрый, а я гордился, что стал его учеником и вдвойне восхищался его мастерством и бескорыстием, так как видел, что собственная мана у него едва розовая. Потом пришло время мне пройти обряд инициации, перед этим я три дня постился, пил только воду, выполнил кучу других положенных церемоний. Наконец я и учитель, одетые в торжественные белые одежды, одновременно опустили руки на магический шар. Я замер в ожидании того, как почувствую прилив силы, но вместо этого через некоторое время стал ощущать противную слабость в коленях. Взглянул на своего учителя и заметил, как язык его «пламени» взвился вверх расширяющимся пучком, на глазах наливаясь фиолетовым цветом. Я подумал, что и со мной происходит нечто подобное, но, обратив «иновзгляд» внутрь себя, увидел, что моя энергия совсем истончилась. Я хотел отнять от шара руку и не смог, и тогда услышал смех Аргола... – Рассказчик мрачно усмехнулся. – Он выпил меня почти до дна и бросил умирать в своем пустом доме. Больше я его никогда не видел.

Мирра шумно перевела дыхание.

– И вы отомстили ему?! – полуутвердительно проговорила она.

– Нет, конечно, – спокойно пояснил Эйнар, – Когда я очнулся спустя три дня в пустом, запертом снаружи доме, то едва смог вылезти через окно на улицу. Потом я долго болел, дом, доставшийся мне от Аргола «в наследство», пришлось продать. К моменту, когда я стал выздоравливать, деньги как раз подошли к концу, так что пришлось стать наемником – магом-то я быть уже не мог, а ничего другого делать не умел. Сюда я пришел с отрядом Еноха. Шли в Брадизан, наниматься в охрану к тамошнему королю. Но тут мне повезло, купцы из местной гильдии предложили место стража ворот. Должность выгодная, живу я постоянно в каменной сторожке на площади, жалованье хорошее, работа не сложная. Я даже сумел скопить на этот домик. – Эйнар обвел руками комнату. – Думаю открыть здесь аптеку. Мана маной, а составлять настои я еще не разучился.

Увлеченная его рассказом, слушательница позабыла, что началось все с ее вопроса о научном интересе. Теперь, когда ей напомнили об обыденной реальности, она снова вспомнила, что не имеет средств к существованию и живет здесь единственно из милости хозяина, которому вряд ли сможет за это отплатить.

– Я, конечно, из лесного народа, – виновато сказала она, думая, что интерес к ней вызван именно этим, – но так уж получилось, что не слишком смыслю в травах. Меня вообще-то в нашей деревне дразнили «глухой». – И, встретив непонимающий взгляд собеседника, пояснила: – Это потому, что я не слышала Голос Фермера, ну, знаете, тот, что шептывает деревьям расти и плодоносить. Меня моя бабка обучала кузнечному ремеслу, потому что я ни одному растению в огороде не могла приказать вырасти...

Эйнар безразлично пожал плечами.

Мирра снова забеспокоилась:

– Что же тогда вас во мне заинтересовало?

– У тебя очень необычный цвет маны, – словно нехотя проговорил ее собеседник.

– Какой же? – Сердце Мирры сжалось от недоброго предчувствия.

– Почти белый...

Испуг быстро прошел. Поначалу она подумала, что находится при смерти. Но Эйнар объяснил, что у нее довольно редкий, хотя давно известный магам дар.

– Это сродни высшей магии, – объяснял он. – Высшим мастерством считается искусство метаморфозы. Оно доступно только драконам, они могут изменять суть вещей, а не один их внешний облик. А ты можешь менять судьбу, чужую или свою собственную, по своему желанию. Такой дар – опасная штука, наши судьбы вплетены в полотно мироздания – потяни одну нить, и затрещит все полотнище. Однако изменение судьбы, как и метаморфоза, требует гигантского притока энергии. А у тебя этой энергии совсем немного. Должно быть, в этом и проявляется всемирное равновесие – имеющий магическую силу не имеет способностей влиять на рок, а способный изменить ход судеб обладает едва заметной маной. А еще есть Закон компенсации...

Мирре эти объяснения казались полным бредом. Это она-то – властительница собственной судьбы? Да она простое семейное счастье себе устроить не смогла, не то что... Потом, правда, раздумывая о своей прежней жизни, она признала, что, возможно, ее спаситель в чем-то прав. Действительно, странные события, начиная с того момента, когда ласка спугнула священного Зорнака со старого вяза и он опустился на ее родовое дерево, могли быть искаженным воплощением ее тайных желаний. Не она ли долгими летними ночами, лежа у себя в спальне, мечтала из «глухой» дурнушки превратиться в первую девушку на деревне? Не она ли потом, трясясь в повозке вместе со старым жрецом, пожелала встретить прекрасного принца? Правда, пока что все «счастливые перемены в судьбе» выходили ей боком, видно, недаром говорится в завете Великого Фермера: «Бойтесь желаний – ибо они сбываются».

Хотя лесная жительница с долей скептицизма относилась к тому, что рассказывали ей о магии и о ее даре, она все же прислушивалась к советам. Старалась избегать опасных желаний и легкомысленных зарок, вроде тех, что часто даешь себе в детстве: не будь я такой-то, если не исполню то-то и то-то, или провались я на месте, если не стану тем-то. Несостоявшийся маг учил, что за все приходится платить. Иногда человек сам предлагает плату, как в тех самых детских зароках, но чаще он просто мечтает любой ценой получить желаемое. И тогда плату назначают боги, и часто цена слишком высока.

Ночью Эйнар дежурил на рынке, охранял склады с товарами, следил, чтобы бродяги не устраивались спать в длинной крытой галерее, окружавшей Рыночную площадь. Утром он отпирал ворота, впуская на площадь торговцев и их клиентов. Вместе с ними появлялись и дневные стражи, так что сторож мог отдыхать до вечера. Теперь, когда Мирра стала его учени-

цей, он решил осуществить давнишнюю мечту – открыть аптеку в Рыбацком переулке. Домик там он приобрел еще год назад, но раньше им не пользовался – жил в своей сторожке на площади. С помощью девушек он привел обветшавшее строение в относительный порядок. За дверью, которую Мирра заметила в тот памятный день, когда началось ее выздоровление, оказалась самая большая в их домике комната. Примерно посередине ее делил на две половины длинный деревянный прилавок. Всю заднюю стену за ним скрывали сплошные шкафчики и полки. Даже дверь в заднюю комнату, ту самую, где теперь жили подруги, выглядела как еще одна дверца шкафа. В другой стене напротив прилавка располагался «парадный» вход, ведущий в оживленный Рыбацкий переулок, и большое стеклянное окно, закрывающееся ставнями с железными жалюзи – от ночных воров. В этой-то комнате и решили разместить аптеку.

Два месяца, днями, когда Эйнар не был занят на службе, он и Мирра готовили настойки и препараты для своего предприятия. Иногда к ним присоединялась Бинош, когда в трактире, работающем до глубокой ночи, было затишье. Выяснилось, что скромные способности лесной жительницы в области растениеводства выглядят прямо-таки феноменальными для Сан-Аркана. В Ледо ее считали жалкой неудачницей за неумение в течение недели заставить растение плодоносить. Здесь, когда через дюжину дней цветы в горшках дали первые семена, Эйнар долго не мог оправиться от удивления.

– Разве ты не знал, что лесной народ может снимать десять урожаев в год? – в свою очередь удивилась Мирра.

Через семьдесят дней упорной работы, в первом месяце лета «Зеленая аптека» открыла двери посетителям. Эйнар не спешил увольняться со своего доходного места. Но вскоре аптека, где поначалу в основном работали женщины, стала приносить стабильный доход, не уступающий его жалованью в гильдии купцов, и он перебрался в дом на Рыбацком, чтобы все время отдавать составлению лекарств.

Так пролетели два счастливых года. Они были бедны событиями, как и всякое счастливое время. А потом, в середине теплой зимы, ветер, всегда дувший в это время года с суши на море, изменился. Он пригнал грозовые облака со стороны Игрисского архипелага, а вместе с ними большой трехмачтовый корабль под зловещими черно-красными парусами. На самой высокой мачте корабля красовалось знамя с изображением черного тигля, заключенного в черный же магический круг на красном фоне.

Мирра прижилась в городе. Об Акеле она не вспоминала (странно, но память о первой любви словно отшибло тем камнем). Однако она аккуратно обходила за несколько кварталов Рыночную площадь в Приморском районе города и соседствующую с ней «Твердыню Эйвингов». Воспоминания о Ледо ее тоже посещали редко. Возвращаться туда бывшей ленне совсем не хотелось. Стоило подумать об этом, как вспоминались маленькие слезящиеся глазки жреца. Она несколько раз порывалась послать письмо своей бабушке, но посольство из Ледо ни в эту, ни в прошлую зиму в город так и не прибыло. А другой оказии для письма все не случалось. За прошедшее время их маленькая аптека стала пользоваться популярностью, и главная заслуга в этом принадлежала Эйнару. Его лекарства были необычайно эффективны и славились даже в Верхнем городе. Мирра, которую все это время Эйнар понемногу знакомил с магическими трактатами, полагала, что и сам он вовсе не лишен колдовской силы и продолжает вкладывать ее в свои настойки. Но бывший ученик мага отрицал это полностью. Теперь лесная жительница уже умела контролировать свой дар и не пользовалась маной каждый раз, когда желала приобрести красивое платье или привлечь покупателя в аптеку. Научившись не прибегать к помощи энергий в повседневных делах, она избавилась от необъяснимых приступов уныния, которые так часто накатывали на нее прежде. Эйнар объяснил, что так бывает, когда человек попусту истощает магическую силу. Штудирова специальные книги, которые давал ей аптекарь, так как считал, что чтение дисциплинирует ум, Мирра пришла к выводу, что ее учитель мог бы стать

выдающимся магом. Его взгляды на основные магические постулаты отличались от книжных новизной и смелостью. К примеру, аптекарь не считал необходимым пользоваться в колдовской практике стандартными заклинаниями, пытаясь заучить их или цитируя по книгам. Он утверждал, что каждый маг способен составить собственное заклинание на любой случай, даже не зная ни одного магического символа.

Мирра всецело доверяла мнению учителя, хотя проверить правильность его теорий ей не удавалось. Несмотря на постоянные лекции из области практической магии, наставник лишь дважды под своим присмотром разрешил ей провести мелкие магические манипуляции, когда хотел сварить волшебный обезболивающий бальзам. По его указанию ученица выполнила все необходимые действия и... потерпела фиаско. Инозрение девушке освоить тоже не удалось, хотя это умение считалось самым примитивным. И как ни пыталась неудачница, она не могла увидеть ни свою, ни чужую ману.

В день, когда в гавань вошел корабль под красно-черными парусами, Мирра как раз была на пристани – покупала у рыбаков морского конька, которого Эйнар использовал для приготовления лекарств. Чужеземный корабль, пришвартованный в городском порту, по правде сказать, не показался ей зловещим, и сердце не сжалось от недоброго предчувствия. Напротив, судно выглядело одновременно изящным и величественным. Сделав покупки, она поспешила домой рассказать об увиденном. В аптеку вошла с черного хода (незачем отпугивать посетителей малоаппетитным видом морских тварей, из которых предстояло изготовить зелье). В их комнатке-спальне, разгороженной теперь ширмой на мужскую и женскую половины, было тихо и довольно темно – маленькое окошко почти не пропускало дневной свет. Поэтому Мирра не сразу заметила Эйнара, скорчившегося на своей кровати. Он лежал, подтянув к груди ноги, и прижимал руки к животу, словно прикрывая рану. Обычно спокойное лицо искажала гримаса боли.

– Что случилось?! – испугалась девушка. – Тебя ранили? Ты заболел? – Она бросила пакет с коньками на стол и присела на кровать рядом с аптекарем. Тот поднял на нее тяжелый взгляд.

– Защитный круг... – с трудом разжав прикушенные от боли губы, проговорил он.

Ученица поняла не сразу. Защитным кругом назывался магический знак, вычерчиваемый на земле или на двери, чтобы защититься от дурного колдовства и сглаза. В Сан-Арконе, где колдовство было запрещено, никто не рисовал на домах подобные знаки. Она непонимающе уставилась на Эйнара.

– Круг... – еще раз прохрипел он. Тогда девушка заметалась по комнате, освобождая место на полу и попутно соображая, чем бы вычертить знак. По науке защитный круг следовало рисовать углем из ритуального костра, на котором сожгли семена семи сакральных растений. Естественно, ничего подобного у них в доме не было, и Мирра выхватила из очага наполовину обуглившееся полешко и вопросительно взглянула на учителя, тот кивнул. Обугленным концом она обвела кровать толстой черной чертой, стараясь, чтобы линия получилась непрерывной и чтобы самой все время оставаться внутри круга. Замкнув круг, она повернулась к аптекарю. Тот лежал, все также скорчившись. Растерянная помощница потопталась на месте, не зная, нужно ли бежать, звать на помощь или не стоит перешагивать начерченную линию. Наконец, Эйнар заворочался и спустил с постели ноги. Мирра бросилась к нему:

– Что случилось?

Аптекарь медленно распрямился.

– Отпустило... Я не говорил, что ушел из родного города не только в поисках заработка: наемником можно было служить и там. Но, после того как Аргол выпил мою силу, я стал болезненно реагировать на колдовство. Каждый раз, когда поблизости творили даже самое безобидное заклинание – я это чувствовал: иногда как легкое покалывание в шее, а порой меня как судорогой скручивало. В Люцинаре было слишком много колдовства и колдунов, я и выздоро-

веть-то как следует смог только в дороге. А предложение здешних купцов принял с радостью, потому что в Сан-Аркане магия вне закона. За пять лет, что здесь живу, я даже слабого запаха колдовства не почувствовал...

Эйнар поймал удивленный взгляд.

– Да, да, колдовство пахнет, почти неощутимо, но неприятно. Напоминает запах из выгребной ямы.

– Но тогда, – Мирра нахмурилась, – зачем ты давал мне магические книги, разве тебе не было плохо, когда я пыталась колдовать?

– Ты еще не поняла? Ты не умеешь колдовать.

– Но... – начала Мирра.

Аптекарь остановил ее жестом и продолжил:

– Своей маны у тебя недостаточно, а пользоваться чужой ты не способна. Каждый раз, когда ты пыталась сотворить заклинание, ты продолжала пользоваться своим даром: подталкивала судьбу сделать так, как тебе хочется. Это не то же, что магия, но принципы использования магической энергии – общие. А книги я тебе давал, чтобы ты научилась контролировать расход силы, и ты даже сделала определенные успехи, – закончил он.

– Если тебя так скрутило, значит, в город проник колдун...

– Не просто колдун, – уточнил Эйнар, – Тот Самый колдун!

– Аргол! – догадалась Мирра. Она, потрясенная, присела рядом. До этого дня история про могущественного мага была просто легендой, ничего общего с реальной жизнью. Да, рядом был Эйнар, когда-то давно он жил в Люцинаре и служил у волшебника. Но и Люцинар, и волшебники были далеко, за пределами ее мира, как Город Звездных охотников: все слышали о нем, кое-кто даже может рассказать, как его найти, и матери, указывая детям на падающую звезду, говорят: «Смотри, звездный охотник преследует свою добычу!» – но кто может похвастаться, что сам побывал в том городе?!

А теперь страшный колдун из сказки пришел в их город. С удивлением Мирра обнаружила, что испытывает странное возбуждение, она даже не сразу поняла, что это обычное любопытство. Два года до этого жила, словно в спокойном и приятном, но все-таки во сне. Следуя советам своего учителя, она успешно подавила в себе почти все желания и ни к чему не испытывала особого интереса. Ей было довольно того, что она сыта, здорова, имеет крышу над головой и людей, которые заботятся о ней и лучше нее самой знают, что ей следует делать. Девушке вдруг страшно захотелось увидеть этого самого Аргола и, может, даже заговорить с ним и... (Мирра даже испугалась собственных мыслей) отомстить ему за своего Учителя.

Аптекарь сидел рядом, и девушка тайком взглянула, не прочел ли он ее мысли? Но тот сосредоточенно растирал руками виски. Плечи его, обычно широко расправленные, были опущены, спина сгорбилась. Мирра не могла поверить, что простое присутствие какого-то волшебника способно так повлиять на человека.

– Наверное, это глупо, но мне кажется, что Аргол пришел за мной! – глухо произнес тот.

– Ты ведь говорил как-то, что ни один маг не может отнять у человека то, что тот не согласен отдать добровольно?

Собеседник утвердительно кивнул.

– Так чего же тебе бояться? Ты сильный, зрелый мужчина. Мы в городе, где колдовство запрещено. Великий маг не посмеет колдовать открыто. А ты больше не позволишь отнять у себя силу!

Эйнар снова кивнул, соглашаясь, но было заметно, что тревога так просто его не оставит.

– Я, наверное, даже не смогу покинуть круг, – пробормотал он.

– Ничего, что-нибудь придумаем, – уверенно заявила Мирра и чуть покровительственно обняла его за плечи. – Пойду закрою аптеку, – через некоторое время заявила она, – а ты посиди, отдохни здесь.

Ученица легко перешагнула границу защитного круга. Она впервые за последние несколько лет чувствовала себя уверенно. Наконец-то представилась возможность сделать что-то полезное для своего спасителя. Возможный визит мага ее не особенно пугал. Во-первых, она не думала, что тот разыскивает своего бывшего ученика. (К чему? Ведь он уже выпил его ману?) Во-вторых, несмотря на прочитанные книги, она весьма смутно представляла себе настоящего волшебника. У них в Ледо колдуньей считалась ее бабка, потому что умела обращаться с железом. Вдвоем они отливали в формы или ковали железные изделия на нужды лесного народа, и что бы там ни болтали деревенские, ничего волшебного в их работе не было. Ну а Аргол? По рассказам, он умел вызывать дождь, находить пропавший скот и людей, снимать порчу и еще мог забрать у человека его магическую энергию – ману. Но ведь люди, чьей энергией он пользовался, сами приходили к волшебнику и, следуя стандартной форме договора, соглашались обменять часть собственной силы на услуги мага. А Мирра ничего у колдуна просить не собиралась. Напротив, она намерена была при случае посчитаться с ним. У нее даже сложился в голове план. Выглядел он не очень благородно: ленна Ледо собиралась донести на Аргола городским властям. Но, с другой стороны, разве благородно было обманом отнимать силу у мальчишки и бросать его на верную смерть в запертом доме?

Мирра прошла в соседнюю комнату, где находился их торговый зал. Входная дверь оказалась заперта, как видно, аптекарь так и не успел открыть ее утром. Значит, волшебник. Прибыл в город вскоре после ее ухода за покупками. Словно щелчок раздался в голове у девушки – это кусочки разрозненных сведений, как части разрезанной картинкой, сложились в единое целое. Корабль, что она увидела в гавани нынче утром, на его мачте красовался красно-черный флаг с тиглем в круге. Такой же герб украшал и переплеты нескольких книг, что давал ей читать учитель. Мирра хотела было бежать в порт, посмотреть еще раз на корабль, порасспросить на пристани о приезжих. Но она вовремя вспомнила, что Эйнар сидит внутри защитного круга, не способный покинуть его и добраться даже до туалета, не говоря уже о кухне с их съестными припасами.

И она вернулась в спальню.

– Есть какой-нибудь знак или оберег от колдовства, кроме защитного круга? Провести черту вокруг дома не получится. И рисовать круг на входной двери тоже не стоит – соседи подумают невесть что!

– Можно повесить над входом цветы крестовника – от дурного глаза. Здесь аптека – никто не удивится пучку сушеной травы. Есть и еще способы, но везде нужно колдовать, а с колдовством я... сама знаешь...

– Значит, крестовник, – констатировала ученица. Она быстро сбегала в торговый зал, принесла целую банку сушеных цветков с четырьмя белыми лепестками. Выбрала несколько штук на длинной ножке, связала в пучок и повесила прямо на вывеску аптеки. Остальные цветки разложила на подоконнике, в углах прилавка, над притолокой, в общем, везде, где смогла. Потом уже по собственной инициативе собрала сухие былинки и крошки крестовника, оставшиеся в банке, смешала их с золой из очага и, выйдя на улицу, сдула немного полученной смеси с ладони в сторону дома: – Зло дом не найдет, – прошептала она, – зло мимо пройдет! – и высыпала остатки золы под порог.

Никто не заметил ее странных манипуляций. Сама новоиспеченная колдунья, едва произнеся только что выдуманное примитивное заклинание, устыдилась: кем она себя возомнила?! Ведь только что ей объяснили, что она не способна колдовать.

– Хуже не будет! – упрямо встряхнув головой, про себя решила девушка и вернулась в дом.

В портовой гостинице, за несколько кварталов от аптеки сухопарый высокий старик в круглой с наушниками кожаной шапке вскинул голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Потом вновь опустил взгляд на карту прибрежного района, нарисованную на толстом, специально пропитанном жиром пергаменте.

– Ну, как, можешь пройтись по комнате? – заботливо спросила Мирра, входя в дом. Эйнар встал и осторожно шагнул к угольной черте... Постоял немного, потом поставил ногу за пределы круга. Судя по лицу, ничего особенного он не почувствовал. Выйдя из защитного круга, аптекарь уже смелее пересек комнату, подошел к окну и удовлетворенно кивнул.

– Действует! – сообщил он Мирре.

– Может, попробуешь на улице?

Но тот отрицательно покачал головой:

– Нет, крестовник хранит жилище, на улице он бесполезен. Но ничего, я могу работать в аптеке, а ты и Бинош будете приносить мне все необходимое. Может, боги, что принесли сюда Аргола, унесут его обратно куда подальше!

– Не раньше чем сменится ветер, – проговорила девушка, и Эйнар удивленно вскинул на нее глаза. Пришлось выложить догадки насчет корабля.

– Да, это его герб, – подтвердил аптекарь, – значит, он прибыл по морю. Недаром мне не понравился западный ветер.

У Мирры прибавилось забот. Раньше аптекарь сам закупал большинство компонентов для своих лекарств и сам собирал нужные травы за городом и на берегу моря. Теперь эти обязанности легли на ученицу. Бинош почти все время была занята в таверне. С другой стороны, прежняя затворница начала знакомиться с городом. Раньше она редко заходила дальше своего района, а теперь ей то и дело приходилось разносить заказы в Верхнем городе, а один раз она даже отнесла склянку с микстурой в дом Магистрата. Проходя мимо городской канцелярии, где, как говорили, были кабинеты коменданта Сан-Аркана и начальника ночной стражи, Мирра невольно задержалась, глядя, как клерки ловко заполняют, подают и принимают от посетителей какие-то бумаги.

Она подумала, что могла бы незаметно подбросить в одну из корзин с прошениями свое письмо (не подписанное, конечно, еще не хватало давать потом объяснение Магистрату). Последила еще немного за порядком работы магистратуры и поспешила дальше по своим делам. В воображении она проигрывала свой план, который вообще-то не собиралась осуществлять. И все же эти мысли против воли лезли в голову: вот она возьмет пергамент (купит его в лавке, где-нибудь подальше от их жилья, где ее никто не знает), напишет, что в город тайно прибыл волшебник с непонятными целями. Опишет герб на корабле... Пожалуй, еще прибавит, что колдун может быть опасен для города. И все, пусть потом городской Совет думает, как избавиться от Аргола. Только надо подкинуть письмо незаметно! А то вдруг Магистрат решит сначала показать донос волшебнику, чтобы тот смог оправдаться? А тот возьмет и превратит ее в жабу...

– Стоп! Откуда колдун узнает, что это я написала письмо?! Он же обо мне и ведать не ведает. – Мирра даже остановилась, привычно тряхнув головой, чтобы отогнать непрошенные мысли.

Она находилась в начале Рыбачьего переулочка, как раз напротив их аптеки, на мостовой стоял сухой сторбленный старик, одетый в добротный темный кафтан и круглую войлочную шапочку (такую любили носить профессора из местного университета). Старик опирался на длинную резную трость. Его совершенно белые волосы и борода были аккуратно подстрижены, лицо лучилось добрыми морщинами. Таким старикам приятно учтиво кланяться и называть их «дедушками». Не избежав очарования благородной старости, Мирра засияла улыбкой, подходя к старику. Тот растерянно вертелся на месте, как раз напротив их витрины.

– Что-то ищете, дедушка? – почтительно произнесла она, подходя к старику.

Тот поднял на нее глаза: светло-серые под белыми кустистыми бровями:

– Да вот никак не прочту эту вывеску, деточка! – развел он руками. – Видно, зрение совсем испортилось.

Мирра охотно разъяснила, что здесь находится аптека.

– А-а-а... – протянул старик – То-то я гляжу, вроде бы пучок с травой какой-то висит. – Он еще раз беспомощно глянул на девушку. – Не сможешь ли мне, милое дитя, взойти на крыльцо – что-то больно ступеньки круты...

Мирра подхватила старика под руку. Вместе они поднялись на крыльцо, и участливая помощница услужливо распахнула дверь. Внутри за прилавком, как обычно, стоял Эйнар...

Старик шагнул через порог, попутно распрямляясь и стремительно прибавляя в росте. Мирра, на миг отвернувшись прикрыть дверь, обернувшись к посетителю, вдруг обнаружила перед собой высокого, крупного мужчину, хотя и в годах, но еще крепкого и полного сил. Волосы его были уже не белые, а иссиня-черные, хотя и прочерченные кое-где серебряными нитями. На лице, смуглом то ли от природы, то ли от загара, мрачно сверкали глаза цвета антрацита. От неожиданности Мирра шарахнулась в сторону, рассыпав свертки, что принесла с собой. Аптекарь за прилавком мертвенно побледнел, тело его стало странно изгибаться, будто ломаемое невидимой рукой.

– Здравствуй, мой дорогой! – произнес черноволосый незнакомец, и лицо его скривила недобрая усмешка. – Вот уж кого не ожидал встретить! Это лишнее подтверждение того, что я не ошибся, воспользовавшись твоей жизненной силой. Смотри-ка, даже после нашего сеанса в тебе еще осталось достаточно энергии, чтобы доползти сюда!

Бывший ученик только что-то невнятно прохрипел, с трудом удерживаясь на ногах. Лицо его было уже не белым, а синеватым. На шее и щеках проступили багровые сосуды.

Мирра с ужасом переводила взгляд со «старика» на аптекаря и обратно. Она уже догадалась, кого привела, но имя пока не было названо...

– Аргол?! – полувопросительно вскрикнула она.

Маг повернулся и пронзил ее своим черным взглядом.

– Не припомню, чтобы был знаком с этой малышкой. – Снова повернулся он к своему бывшему ученику. Тот, корчась от боли, сползал на пол.

– Ну, ну! Я тебя не отпускал. – Колдун щелкнул пальцами, и Эйнар внезапно выпрямился и повис в воздухе над прилавком, ноги его продолжали подергиваться, но голова, руки и туловище словно ооченели.

– А я-то считал, что до конца выпил твою ману! – продолжал колдун, медленно подходя к безвольно висящему аптекарю. – А тут гуляю в этом никчемном городишке, где на сто миль в округе нет даже настоящей гадалки, и что же я вижу?! Маленький изящный морок: вроде бы стоит в переулке дом, а вроде бы его и нет. Я и так его обхожу, и эдак, а войти не могу. И главное, такой знакомый запах... Значит, мы не разучились делать кое-какие магические штуки!

Лицо Эйнара исказила судорога, но он, как ни напрягался, не сумел ничего ответить магу.

Зато Мирра, пока внимание волшебника было занято бывшим учеником, тихонько, боком придвинулась к ближайшей полке. На ней, как раз на доступном уровне, стояла увесистая банка с морскими пиявками. Девушка незаметно протянула руку и обхватила банку за горлышко.

Ее бросок был почти удачен, но только почти. Банка оказалась слишком тяжелой, Мирра не рассчитала силу, и сосуд с пиявками, пролетев по пологой дуге, шмякнулся у ног волшебника, разбрызгивая вокруг стекло и мутную воду. Колдун получил всего лишь несколько брызг на сапогах и кафтане. Но на какое-то мгновение он отвлекся от Эйнара и тот, больше неподдерживаемый магическим взглядом, упал на пол. Аргол молча уставился на девушку, та попятилась к двери, но прожигающий взгляд словно прищипывал ее ноги к полу. Колдун стал

надвигаться, страшно протягивая к ней свои руки с длинными костлявыми пальцами и на редкость ухоженными ногтями.

– Как забавно! – словно продолжая свою беседу с учеником, заметил Аргол. – Бывает же так, не ожидаешь встретить ничего интересного и вдруг находишь в какой-то мусорной куче две такие диковины! Тебе всегда везло, Эйнар, где ты откопал эту девчонку! – Маг обернулся к аптекарю, но того не было видно за прилавком.

Аргол небрежно махнул рукой.

– Живи, – пробормотал он – я, пожалуй, должен быть тебе благодарен, второй раз ты преподносишь мне шикарный подарок!

Аргол уже всей высокой фигурой навис над малышкой, уже протянул руку, чтобы ухватить ее за плечо. Мирра втянула голову в плечи и из последних сил дернулась в сторону двери. В голове пронеслось: она ни за что не успеет добежать и открыть дверь, колдун догонит и схватит ее за шею. Она уже чувствовала его длинные узловатые пальцы на горле...

«Неужели же никто мне не поможет!» – мысленно возвала Мирра ко всем известным ей богам.

Что-то пролетело у нее над левым плечом, едва не задев ухо. Сзади послышался звон разбивающегося стекла, в спину брызнули мелкие осколки. Мирра инстинктивно пригнулась и наконец закричала. Ее тонкий истошный визг достиг улицы:

– Помогите! Помогите, грабят! – визжала перепуганная аптекарша.

Аргол обернулся. Навалившись животом на прилавок, едва удерживаясь на ногах, Эйнар заносил над головой для броска очередную склянку. Он успел ее метнуть и даже довольно метко. Но маг начертил в воздухе знак тростью, и банка, летевшая прямо в него, резко изменила направление, словно столкнувшись с невидимой преградой. Разбившись о стену, она обдала Мирру и колдуна новой порцией стеклянных брызг. На шум из соседней таверны наконец выскочили люди. Вслед за ними выбежала Бинош, которой в истошном вопле послышалось нечто знакомое. Увидев разбитую витрину, подруга тоже принялась кричать, более низким, но не менее громким голосом. Посетители таверны, похватав кто палки, кто камни, настороженно двинулись к аптеке, разобраться, что там происходит. Мирра больше не кричала, она сорвала голос и теперь лишь затравленно взирала на возвышавшегося перед ней волшебника.

Аргол сквозь разбитую витрину бросил взгляд на улицу. К аптеке приближалась вооруженная чем попало группа мужчин, человек десять. Сзади надрывалась в крике Бинош. В конце переулка, привлеченная шумом, показалась дневная стража. Маг в сердцах плюнул на пол. Он быстрым движением оторвал одну из пуговиц с платья Мирры, та не успела даже отшатнуться. Потом нараспев произнес несколько непонятных слов и с силой ударил тростью об пол. Голос волшебника еще отдавался у девушки в ушах, но самого его в комнате не стало. Ворвавшиеся в аптеку стражники, подпираемые сзади осмелевшей толпой, нашли только распростертого на прилавке аптекаря да его перепуганную и лишившуюся голоса помощницу.

Волшебник бежал из города. Мирра, еще всхлипывая и растирая по лицу слезы, рассказывала капитану дневной стражи о нападении жуткого мага, а корабль под черно-красными парусами уже покидал Сан-Арканскую бухту. Моряки, наблюдавшие эту картину, суеверно делали рукой оберегающие знаки (у них это называлось «вязать узлы на счастье»). Странный ветер надувал паруса с черным тиглем, паруса на всех остальных судах в гавани едва плескались от «сквозняков», дувших с моря.

Итак, Аргол бежал. Мирра, оправившаяся от пережитого ужаса, торжествовала.

– Мы смогли прогнать этого мерзкого мага! – Теперь, спустя пять дней случившееся представлялось ей увлекательным приключением, а их действия – почти геройскими. Правда, сначала маленькую ученицу мучила совесть, ведь именно она привела колдуна в аптеку, без ее приглашения тот не смог бы переступить порог под веткой крестовника. Но аптекарь успокоил

ее, сказав, что только искушенный волшебник мог бы заподозрить в хрупком старике мага. Аргол был большим мастером по части таких иллюзий. Про слова колдуна насчет «изящного морока» Эйнар не вспоминал: может быть, не расслышал их, находясь под действием колдовства, или не придал им значения. В любом случае Мирра была этому только рада. Это пятно тоже тревожило ее совесть. Но в конце концов она убедила себя, что сочиненное ею маленькое заклинание не могло вызвать никакого морока.

После сбивчивых рассказов Мирры и Бинош (добавившей пару своих штрихов к истории о нападении колдуна) и обстоятельных разъяснений Эйнара городской Совет постановил еще раз объявить о запрете на любое колдовство в границах Соединенного королевства. Жрецы главных сан-арканских храмов трижды обошли город торжественной процессией, посыпая землю золой с жертвенных костров и оглашая воздух священными песнопениями. Эта церемония была призвана изгнать из города остатки злой магии, если таковые (помилуй, Творец!) остались после отъезда мага.

Мирра смела с подоконников высохший крестовник. Стекло в витрине заменили на новое. Жизнь пошла своим чередом. Только Эйнар, несмотря на то что возобновил свои походы на рынок и по городу, временами становился беспричинно хмурым и задумчивым. Мирра относилась к приступам хандры к неприятным воспоминаниям. Теперь, столкнувшись вживую с бывшим воспитателем юного мага, она в полной мере разделяла страх и неприязнь, испытываемые к нему учеником.

И все же появление Аргола было хоть и неприятным, но захватывающим событием в ее скучной жизни, о нем можно было судачить долгими вечерами с Бинош. И с загадочным видом рассказывать о происшествии случайным приятельницам на пристани. А Мирра теперь любила бывать в порту. Здесь пахло не только рыбой и гниющими водорослями. В воздухе неуловимо витал дух далеких странствий и таинственных земель, дух приключений, одним словом...

Эйнар не одобрял ее частые походы в порт. Почему-то он никак не мог до конца поверить в то, что Аргол так просто покинул Сан-Аркан. Его последние слова свидетельствовали о том, что он, как и ученик, разглядел редкий дар девушки. Неужели же великий колдун так испугался обычной городской стражи, с которой мог справиться одним щелчком пальцев, что бросил редкую находку и поспешно отплыл из города?! Это на него совсем не было похоже... Но время шло, а вокруг все было спокойно. И аптекарь стал считать свои страхи пустыми.

Беда пришла, когда ее не ждали. И вовсе не в порту она подстерегла Мирру. Она спокойно возвращалась домой из булочной, расположенной всего в квартале от Рыбачьего переулка. Из боковой улицы впереди нее вышел мужчина, одетый во все серое – от войлочной шляпы странного фасона до мягких сапог. На шее у незнакомца болтался массивный медальон из белого металла. Мирра не обратила на мужчину особого внимания: какого только народу не шляется по улицам Сан-Аркана. Чужеземцев здесь бывало, пожалуй, даже больше, чем в торговой столице – Мелузе. Незнакомец направился навстречу и, не доходя до нее нескольких шагов, поднял руку и помахал, словно приветствуя кого-то. Мирра обернулась, посмотреть кого. В этот тихий утренний час она была на улице одна и уж точно не была знакома с серым прохожим. Позади нее (откуда только взялся) вдруг вырос такой же серый незнакомец. В своих мягких сапогах он двигался совершенно бесшумно, вот почему Мирра не расслышала его шагов. В одинаковых серых плащах и шляпах, с одинаковыми медальонами на груди мужчины показались ей братьями-близнецами. Девушка собиралась еще раз взглянуть на идущего навстречу прохожего, чтобы убедиться в их сходстве, когда рука в серой перчатке зажала ей рот. Подходивший сзади мужчина в один прыжок оказался рядом и прижал ей руки к туловищу так, что пленница не могла шевельнуться. Она попыталась крикнуть, но крепкая рука слишком сильно держала ее подбородок. Раздался звон разбитого стекла. В воздухе разлился незнакомый резкий аромат, и свет померк. Пара одетых в серое мужчин в несколько секунд

перетащили безвольное тело в проулок. Здесь они смогли перевести до этого сдерживаемое дыхание. Ветер развеял опасный аромат. Вскоре к ним присоединились еще двое. Выглядели их спутники точь-в-точь, как и они: серые плащи, кафтаны, шляпы, крупные медальоны на груди. Вчетвером они натянули на бесчувственное тело поверх платья длинную серую хламиду, на голову напялили серую шапку, похожую на их собственные. Потом девушку уложили на легкие носилки и спокойно двинулись к Южным воротам города. Мирра, одурманенная неизвестным зельем, лежала неподвижно. Никто из встречных не заподозрил ничего дурного в четырех чужеземцах, несших, как видно, захворавшую соотечественницу. Мирно и спокойно четыре похитителя и их жертва покинули незадолго до полудня Сан-Аркан. За воротами они погрузили носилки в крытую все тем же серым войлоком повозку и двинулись по Муррийской дороге на юг. Впрочем, они недолго следовали наезженным трактом. Вскоре телега свернула на зеленый проселок, а потом и вовсе затерялась в окрестных влажных лесах.

Глава 4

Мирра очнулась на дне подсакивающей повозки только в сумерках. Она долго приходила в себя, не в силах понять, где находится. Внутри было темно, и лишь спустя несколько минут пленница разглядела сидящую рядом с ней фигуру. Она вскрикнула, крик получился сдавленным и жалким. Темная фигура никак не отреагировала. И девушка тут же устыдилась собственного крика. Она с трудом приподнялась на руках, а затем кое-как уселась на дне телеги. Тело затекло от долгой неподвижности, но ни руки, ни ноги, судя по всему, не были связаны. Покрутила шеей, согнула и разогнула пальцы, пошевелила ногами, чтобы разогнать кровь. Все это под безразличным взглядом сидящего рядом незнакомца. Мирра уже сумела разглядеть, что это был тот самый мужчина (вернее, один из тех «серых» мужчин), что схватил ее на дороге. Она прекрасно помнила момент, когда ей зажали рот, потом воспоминания обрывались. Не было сомнений, ее похитили. Но кто и зачем, ученица аптекаря не имела не малейшего понятия. Она испытывала необъяснимую апатию. Происходившее было ужасно, но ужасно как-то отвлеченно. Словно бы происходило не с ней.

– Эй! – обратилась она к своему молчаливому стражу. – Кто вы такие и что вам надо?

Тот ничего не ответил. Тогда девушка встала на ноги, согнувшись под низким пологом. Она было двинулась к просвету, видневшемуся в задней части повозки, но тут «серый» охранник наконец ожил и ухватил ее за руку.

– Я хочу подышать воздухом, – жалобно пискнула похищенная. – Мне нужно размяться.

Вообще-то она и не надеялась, что ей позволят покинуть закрытую телегу. Но вопреки ожиданиям охранник что-то прокричал на незнакомом, каркающем диалекте, и повозка остановилась. Полог в задней части отдернулся, и Мирра увидела кусочек леса в сгущающихся сумерках и еще одну «серую» фигуру, протягивающую ей руку, чтобы помочь спуститься.

Странные это были похитители. Сколько ни ломала она голову, но так и не могла придумать, зачем понадобилась этим «серым». Сначала она подумала, что такова месть родственников Акеля (кто еще мог желать ей зла?). Потом – что старый жрец решил-таки осуществить свой план женитьбы и послал за ней своих прихвостней. Но «серые братья» (Мирра называла их про себя братьями, потому что все четверо имели сходные черты лица, а одинаковая одежда делала их еще более похожими. Немудрено, что в первый момент они показались близнецами) даже отдаленно не напоминали выходцев из лесного народа. На все ее вопросы похитители отвечали молчанием. Они и между собой-то почти не разговаривали, а уж ей и слова не сказали. Тем не менее проявляли редкостную заботу о своей пленнице. Дали ей теплую дорожную одежду и сменное белье. За обедом первой подавали миску с едой, более того, вскоре девушка заметила, что получает лучшие куски. «Братья» зорко следили за тем, чтобы она не сбежала, но связывать ее не пытались и в остальном предоставили ей относительную свободу. Мирра то ехала в повозке, то брела рядом с ней под присмотром «братьев». Никто не пытался обременить ее работой на привалах, она могла по выбору: спать, сидеть у костра, отправиться в сопровождении «брата» собирать зимние ягоды. Вообще-то путешествие чем-то напоминало поездку со жрецом из Ледо. Тогда вокруг тоже был зимний лес и тоже не с кем было словом перекинуться.

Кроме новой одежды, в которую она переделалась по настоянию похитителей, пленница получила два широких, от запястья почти до локтя, браслета на руки. Собственно, браслеты уже были на ней, когда она очнулась, но Мирра не сразу почувствовала их, такими они были легкими и тонкими, поначалу посчитала, что это плотные рукава платья сдавливают ей предплечья. Потом на привале она наконец заметила свое новое «приобретение»: браслеты были золотые, тонкой ювелирной работы, явно не дешевые. Мирра попыталась стянуть один из них, чтобы лучше разглядеть замысловатый орнамент, и тут же обнаружила магическое свойство

украшений. Стоило ей попытаться снять их, как руки от запястья до локтей прожгла резкая боль. Не сразу сообразив, в чем дело, девушка пронзительно закричала. К ней тут же подскочил стражник и жестами дал понять, чтобы она не трогала браслеты. Напрасно Мирра обращалась к нему за разъяснениями, напрасно она протягивала руки, умоляя снять с нее обременительные украшения. Похитители лишь отворачивались от нее и продолжали заниматься своими делами.

Странное безразличие не покидало Мирру. Она прекрасно понимала, что упорное молчание похитителей и неизвестность, в которую они ее везут, должны до обморока пугать ее. Но страх был какой-то вялый. Мирра словно бы не могла сосредоточиться на том, чего следовало бояться. Даже расспросы о собственной судьбе она вела как-то отстраненно, словно заранее не рассчитывала получить ответ.

Несколько раз посещали мысли о побеге, но тоже какие-то вялые. Стоило ей только подумать об этом, как тут же начинало неприятно саднить кожу под браслетами и мысли сбивались в другое русло. Да если разобраться, куда ей было бежать? Она даже примерно не представляла, в какой стороне находится Сан-Аркан и где расположено ближайшее жилье. Убегать же одной, в незнакомый лес... Несмотря на то что Мирра была дочерью лесного народа, как выжить в лесу, она представляла весьма смутно.

Дважды она пыталась заговорить с похитителями о своем освобождении, первый раз в тот вечер, когда впервые очнулась. Тогда она еще не знала, насколько молчаливы «серые братья», и, переходя от одного к другому, все пыталась выпросить, кто же ее похитил. На следующий день, отчаявшись узнать причину похищения, Мирра попыталась подкупить своих охранников. Она сообщила им, что является ленной своего народа, и пообещала заплатить за себя огромный выкуп, если они доставят ее в Ледо. Вернуться в Сан-Аркан не предлагала. Она не считала себя вправе рассчитывать на помощь Эйнара. Довольно было и того, что тот позволял ей жить в своем доме и относился, как к родной сестре. Нечестно было бы просить его заплатить за нее еще и выкуп. Аптека, конечно, приносила стабильный доход, они ни в чем не нуждались. Но ведь и запросы у них были весьма скромными, ни о каком богатстве речи не шло. Эйнар пытался откладывать понемногу – они мечтали открыть еще одну аптеку в Верхнем городе. Но, даже решив отдать эти деньги похитителям, их вряд ли хватило бы.

Правда, и на щедрость общины, которую она так легкомысленно покинула при первой возможности, Мирре тоже особенно рассчитывать не приходилось. Но все-таки это были люди одной с ней крови. Как знать... в общем, решила обещать похитителям золотые горы, лишь бы они отвезли ее к родной деревне, а там, может, она найдет способ выпутаться.

Так прошло три дня. Все также было не ясно, куда они идут и где находятся. В полдень ее молчаливые спутники остановились на очередной привал. Лошадей пустили пастись. Один из «серых» принялся разводить костер и готовить мясную похлебку. Девушка отошла умыться к протекавшему рядом ручью (ее спутники всегда старались останавливаться у воды). Один из «братьев», как обычно, последовал за ней, но стал чуть в отдалении, не мешая приводить ей себя в порядок. Мирра уже закончила умываться, когда с поляны, служившей им местом привала, раздались голоса. Учтывая общую неразговорчивость ее похитителей, такой шум был поистине удивителен. Сопровождавший охранник мигом оказался рядом и, схватив девушку за руку, потянул в ближайшие заросли орешника. Та, не сопротивляясь, последовала за ним. Они по дуге обошли место стоянки и незаметно вышли к ней с противоположной стороны. Густой кустарник подступал к самой поляне. Сквозь его заросли Мирра разглядела стоявшую у костра к ним спиной женщину. Одета она была так же, как и остальные – в серый плащ, из-под которого виднелась серая юбка, на голове – серая войлочная шапка с отворачивающимися краями. Кроме нее и трех похитителей, на поляне никого не было. «Брат», сопровождавший

похищенную, издал странный свистящий звук, ему тут же откликнулись с поляны. Видимо, ответ успокоил «серого», потому что он перестал прятаться и потянул пленницу за собой.

– Вы мои братья и одни способны меня понять! Я не прошу ничего, кроме возможности и дальше следовать за своей госпожой. Я дала клятву служить ей и буду верна обещанию, пока не истечет срок моей службы или пока вы не лишите жизни ее или меня...

Мирра не поверила своим ушам, услышав голос женщины. Она ускорила шаг, обгоняя своего охранника, и первой выбежала на поляну. Перед костром в сером платье, сером плаще и с тяжелым медальоном на груди стояла...

– Бинош! – воскликнула пленница. – И тут же зажала себе ладонью рот, боясь, что своей несдержанностью испортила подруге какой-то план.

– Здравствуйте, госпожа, – чинно поклонилась та и снова обернулась к своим собеседникам. – Так что, братья, могу я продолжить службу своей хозяйке? Я не прошу у вас ни еды, ни питья, если ваши запасы ограничены. – Путница чуть повернулась, показав тяжелый рюкзак, оттягивающий ей плечи. – Срок моей службы истекает через три года, я буду исполнять свой долг, пока смогу. – Она вопросительно уставилась на трех мужчин, стоявших перед ней. Те хмуро переглядывались, произнося короткие фразы на своем каркающем языке. Потом (о чудо!) один из них обратился к пришедшей на сносном арканском:

– Что же, сестра, мы не вправе препятствовать тебе исполнять его волю. Ты можешь идти с нами. Положи свой рюкзак в повозку. Мы поделимся с тобой нашими припасами, но будем рады и твоим: наш путь лежит вдали от поселений.

– Владеешь ли ты истинной речью?

Та отрицательно покачала головой.

– Я несу долг с шести лет, – непонятно ответила она.

«Серые», однако, понимающе закивали. Мирра недоуменно переводила взгляд с них на Бинош.

– Да будет так, сестра, – сказал один из стражей, – думаю, твой долг скоро завершится.

– Да будет так, – эхом откликнулась Бинош. Потом спокойно повернулась спиной к своим собеседникам и направилась к Мирре. – Пойдемте, госпожа, – как ни в чем не бывало произнесла она, – я позабочусь о вас.

Бинош мыла в ручье посуду. Мирра сидела рядом, делая вид, что пытается оттереть грязь на руках. Охранник стоял в добром десятке шагов от них. Бывшая камеристка старательно, со скрипом терла песком закопченный котелок.

– Не подавайте виду, – углом рта шептала она, – я пришла, чтобы помочь вам...

– Но как ты сумела нас найти? – прошептала пленница.

– Об этом потом! Сейчас вам нужно знать главное – Эйнар знает, где мы, и он готовит наше освобождение.

Освобождение... Сердце у Мирры стремительно забилось, впервые за последние дни неестественная апатия начала покидать ее. И сразу словно горячими щипцами сдавило запястья. Заговорщица ойкнула, но тут же прикусила губу и тайком бросила настороженный взгляд на стража. Но тот, видимо, ничего не услышал, взгляд его продолжал безразлично скользить по окрестностям.

– Но кто меня похитил? И что это за наряд на тебе, совсем как у них?

– Это дети Адана, – едва слышно прошелестела Бинош. – А похитили они вас по приказу Аргола!

Больше в тот день им не удалось поговорить на эту тему. Камеристка, играя роль соплеменницы похитителей, почти не разговаривала со своей хозяйкой.

Их маленькая группа продолжала двигаться заросшим лесным проселком, далеко объезжая попадавшиеся на пути деревни, угадываемые по дымкам, поднимавшимся над лесом.

«Серые братья» прониклись доверием к своей «сестре» и теперь часто оставляли девушек наедине. Тем более что ни та ни другая не сделали ни одной попытки даже просто отойти от телеги подальше.

В такие минуты Бинош постепенно рассказала Мирре о плане побега, а также все, что знала о детях Адана.

– Они называют себя абаданнами и живут где-то в горах, далеко на севере. Наверное, там, откуда родом Эйнар. Их страна – одни голые скалы, ни земли для посевов, ни зверья для охоты... Но племя нашло способ выживания. Они продают соседям единственное, что у них есть – самих себя. Их народ поклоняется тайным, никому неведомым богам, – рассказывала подруга, и ее шепот звучал зловеще в темноте войлочной палатки. – Жрецы, которые управляют у них всем, заключают сделки с соседними правителями, да и со всеми желающими. За плату они передают в услужение на определенный срок своих соплеменников – абаданнов, которые верно служат своему господину за одну только еду и одежду. Более верных слуг трудно встретить, ведь клятву о верности господину они дают своим жрецам, и только жрецы или смерть могут освободить их от этой службы. Так уж они воспитаны! Вот это, – Бинош показала массивный круглый медальон, – знак их клана. Эйнар раздобыл его лучше не спрашивай как... По этим медальонам да еще по серой одежде (хотя она и не обязательна) дети Адана узнают друг друга. Эти четверо дали клятву служить Арголу и будут выполнять его приказы даже ценой собственной жизни. Поэтому Эйнару нужно время, чтобы собрать отряд, способный одолеть абаданских наемников. Говорят, каждый из них стоит десятка других воинов.

– Где же он найдет столько людей?! – с отчаянием спросила Мирра. Едва зародившись, ее надежда на спасение готова была умереть, от этого впервые за всю дорогу глаза защипало от слез.

– Наемников всегда хватает, были бы деньги, – пожала плечами Бинош, однако ее лицо, невидимое в темноте, тоже скорбно вытянулось, хотя совсем по другой причине.

Эйнар запретил говорить, что ему пришлось продать свою аптеку, чтобы наскрести денег на поиски похищенной ученицы. Но вовсе не потеря доходного предприятия и обжитого дома расстраивали Бинни, уже давно она была тайно влюблена в их спасителя. Эйнар не знал об этом. Он не был падок на женщин, но молодая особа лелеяла мечту, что однажды любимый наконец разглядит в ней ту самую, единственную... И вот несколько дней назад она стала подзревать, что тот уже нашел свою избранницу. То, как стремительно он продал свое предприятие, лишь бы вернуть Мирру... Сердце снова мучительно сжалось у камеристки в груди при воспоминании об этом. Что ж, кого бы ни выбрал Эйнар, сама девушка готова была идти за своим любимым до конца! Она сразу и безоговорочно согласилась выполнить все, что будет нужно для его плана.

Подруга придвинулась поближе к Мирре и зашептала еще тише:

– Все, что нам нужно, – это оставлять за собой как можно больше следов, и, если получится, подольше задержать их в пути!

Что касается следа, то «сестра» тщательно помечала дорогу мелким зеленым порошком. Порошок был колдовской. Вручая его, Эйнар сказал, что даже шепотки этого зелья хватит, чтобы он почувствовал его за много миль. Видя, как корчился составитель порошка при его изготовлении, ничуть в этом не сомневалась. Она и раньше слышала, что аптекарь не выносит никакого колдовства и оттого издалека способен почувствовать его присутствие.

Ну а как замедлить их передвижение – об этом Бинош предоставила думать самой пленнице. В конце концов должна была и она что-то сделать для своего освобождения.

Мирра думала над услышанным всю ночь и все утро, которое провела в повозке, то и дело начиная клевать носом. Неожиданно (и довольно болезненно, надо сказать) ей открылось назначение драгоценных браслетов. Они предназначались, чтобы не позволить пленнице сбе-

жать. Мирра могла сколько угодно мысленно пенять на свою несчастную судьбу, ее магические украшения не подавали признаков жизни. Но стоило ей действительно пожелать освободиться или как следует задуматься о побеге, как браслеты начинали пульсировать, прожигая руки и безжалостно врезаюсь в кожу, пока их владелица опять не впадала в мрачное отчаяние, не смея надеяться на спасение. Так что браслеты все-таки были хотя и изящными, но кандалами.

Однако, поэкспериментировав с ними некоторое время, девушка обнаружила, что браслеты не мешают ей замышлять пакости против своих похитителей. А значит, думать о том, как помешать им все дальше увозить ее от Сан-Аркана и Эйнара, Мирра могла беспрепятственно. Пока, правда, ничего умнее того, как перепилить обод или спицы колеса в их повозке, ей в голову не приходило. Но пилить конечно же было нечем, да и кто-то из «братьев» постоянно крутился возле телеги. Лошади, даже отвязанные, далеко от людей не отходили и убежать в лес желания не изъявляли. На шестой день их маленький отряд выбрался из зарослей на небольшое взгорье. Каменные валуны, размером с двухэтажный дом, были по одному и кучками разбросаны по гигантской борозде, разделившей два лесных массива. Между каменными лбами бугрились земляные холмы пониже. Вообще же вся местность после этой гигантской просеки начинала плавно повышаться к северо-востоку. Проселок взобрался на небольшую горку, и оттуда неожиданно открылся вид на пролежавший совсем рядом Торговый тракт. Далеко на западе по тракту двигались какие-то точки. Спутники Мирры и Бинош долго вглядывались в эти перемещения, потом неожиданно последовала команда ускорить движение. Девушек посадили в телегу. «Братья» принялись нахлестывать лошадей. Сами они неумоимо бежали рядом с повозкой.

– Эйнар! – чуть слышно шепнула Бинни, и они обменялись многозначительными взглядами. Больше им не подалось подходящих холмов. Да и почти все время они оставались в повозке. Привалы теперь сократились до минимума, останавливались вдали от проселка, в глухих местах, со всех сторон окруженных деревьями, закрывающими обзор. Вечером седьмого дня они впервые остановились на ночлег под крышей – это была старая охотничья хижина, построенная прямо посреди леса. Должно быть, владельцы редко заглядывали сюда, а может, абаданны и были здесь хозяевами. Как бы то ни было, они смело заняли хижину. Один из «братьев» с наступлением темноты куда-то увел лошадей вместе с телегой.

Спустя некоторое время он вернулся, уже один, молча протянул спутницам заплечные сумки. Из этого следовало, что дальше им предстояло двигаться пешком.

Бинош поздно спохватилась. В ее рюкзаке, как следует облегченном «серыми братьями», не оказалось баночки с волшебным порошком. Как видно, те сочли, что глиняная банка, так же как и большинство посуды, оставленной в повозке, будет замедлять своим весом движение.

Тогда от отчаяния Мирра и решила испробовать последнее пришедшее ей в голову средство.

Ночью она растолкала спящую подругу и, прижимаясь губами к ее уху, чтобы не услышали «братья» в карауле, зашептала:

– Из чего был порошок, которым ты метила дорогу?

Бинош спросонья долго не могла уразуметь, о чем речь. Наконец до нее дошло.

– А-а-а... – довольно громко проговорила она, так что пришлось изо всех сил толкнуть ее локтем в бок. Та сразу понизила голос. – Ну, он сжег кусок твоего старого платья, еще какие-то корни... Воняло немилосердно, так что я не приглядывалась...

Мирра поднялась на ноги. Она потрясла за плечо одного из «братьев» и попросила проводить ее на улицу, по нужде.

Над лесом сиял серп Ауреи, а бледное пятно Минолы уже закатилось за деревья на пути к горизонту. Значит, полночь миновала. Мирра шла среди влажного от росы кустарника. Эту ночную вылазку она задумала, чтобы получить хоть какой-нибудь материал для колдовских ритуалов. Ведь невозможно наколдовать нечто на пустом месте. Как назло, в неверном свете

единственной луны колдунья не могла разглядеть ни одного знакомого растения. Только колючие прутья без конца кололи руки и ноги. Отчаявшись найти что-то действительно полезное, Мирра просто вырвала из земли пучок первой попавшейся под руки травы и зажала в кулаке. Идя назад, она вдобавок к своей досаде запуталась в здоровенной паутине и вся перепачкалась в липких нитях.

Вернувшись в хижину, Мирра уселась у едва теплящегося очага, сообщив провожатому, что замерзла в сыром лесу и желает согреться. Тот не возражал. Дождавшись, пока «серый брат» уляжется, она незаметно поднесла к огню кулак с сорванными растениями. Так и есть – ничего полезного, одна лесная вероника. Девушка бросила ее в угол очага, а сама принялась обирать с себя липкую паутину. На рукав серого платья вместе с клоком паутины прилепился и сам ее хозяин. Мирра собралась уже брезгливым щелчком сбросить паука в огонь. Но внезапно осенившая ее мысль удержала руку. Со всей осторожностью, поборов неприязнь к ползучим тварям, Мирра сняла с ткани восьминогую ткача.

– Помоги сестре-ткачихе. Отнеси мое посланье! – зашептала она зажатому в ладони паучку. – Улетай с рассветным ветром, заплети в дороге ветки, помоги моей погоне...

Подумав, Мирра выдернула из подола тонкую серую нить и привязала ее к низкой балке потолка:

– Прими начало для сети, прости, что разорила твои силки! – прошептала колдунья напоследок и поднесла паучка к свисающему краю нити. Тот, словно поняв намек, быстро-быстро заперевирал длинными ножками и вот уже скрылся в темноте под потолком.

Она еще некоторое время постояла у очага, потом прилегла рядом с подругой, натянув на себя теплый серый плащ. Натопленная с вечера хижина еще не успела остыть, да и огонь не вовсе догорел, но Мирру морозило.

Утром она проснулась совсем разбитой. Должно быть, сказывалось отсутствие привычки к длительным путешествиям. Ломило спину, болела голова и даже живот. С трудом она поднялась с жесткого пола, на котором они и их стражи спали вповалку.

Уже через час после рассвета вышли в дорогу. Мало того, что идти теперь приходилось пешком, так еще и тропа все время забирала в гору. Мирра, сначала радовавшаяся тому, что в отсутствие лошадей они существенно замедлят продвижение, теперь мечтала очутиться в тряской телеге и хоть ненадолго дать отдых ногам. Выходя в серое утро, она напоследок окинула внимательным взглядом их ночное пристанище. Ничего нового не добавилось к внешнему виду лесной хижины. Собственно, колдунья сама не знала, что могла увидеть: «Не думала же ты взаправду, что к утру хижина будет, словно кокон, оплетена паутиной! – одернула она себя. – Достаточно будет, если „запах“ заклинания достигнет Эйнара».

В полдень на привале она решила повторить свой опыт. Тот из «серых братьев», что шел впереди, прокладывая путь всеми отрядом, снял на отдыхе сапоги. Длинные голенища абаданны для удобства приматывали к лодыжкам тонкими кожаными ремнями. Пройдя мимо сброшенных сапог, Мирра незаметно поменяла ремни у правого и левого сапога.

– Право-лево, лево-право, нога за ногу... – бормотала она.

Привал кончился, пленница и похитители вновь двинулись в путь. На этот раз отдых совсем не принес облегчения, с каждым шагом заплечная сума все сильнее давила на спину. При подъеме по стенке невысокого, в общем-то, оврага девушка упала. А поднимаясь, с удивлением обнаружила, что у нее пошла кровь носом, хотя падала она на бок и если чем и ударилась, то только бедром. Кровь не унималась. Пришлось сделать привал у ближайшего ручья, где Мирра долго лежала на спине с холодным компрессом на переносице. Наконец удалось остановить кровь, но идти сама пленница уже не могла. Голова кружилась и болела немилосердно. Ко всему этому прибавился кашель. «Серые братья», посоветовавшись, уложили заболевшую на легкие носилки, те самые, на которых неделю назад уносили ее из Сан-Аркана. Мужчины по двое, в очередь несли носилки, Бинош досталось тащить еще одну суму. Абаданны шли

быстро, но уйти далеко от той точки, откуда они вышли с утра, все не удавалось. Словно леший водил «братьев» по лесу, кружил их, заманивал делать петли. Вечером Мирра впервые за все дни путешествия услышала, как «серые» переругиваются между собой. Через минуту к ней подседа «сестра».

– Вроде они заблудились, – тихо и немного испуганно сообщила она. Колдунья только загадочно улыбнулась. Ее простенькие заклинания действовали.

– То ли еще будет! – про себя пообещала она, но тут же зашлась раздирающим легкие кашлем.

Глава 5

По странному стечению обстоятельств Эйнар как раз находился на городской стене возле Южных ворот, когда через них прошли четверо абаданнов с носилками на плечах. Аптекарь не разглядел в лежащем на носилках теле знакомые очертания, но взгляд его зацепился за серые приземистые фигуры в войлочных шляпах. Когда-то ученик мага частенько встречал людей, одетых подобным образом, но это было давно, очень давно. Правда, последнее время жизнь что-то уж слишком часто подбрасывала встречи из прошлого. Мысли аптекаря послушно обратились к детству и юности, прошедшим в Люцинаре. На северо-востоке, в нескольких днях пути от города, прямо из лесотундры, покрытой чахлой растительностью, выростала стена Абрисского хребта. Бесплодная, каменистая почва и суровый климат делали здешние места почти необитаемыми, и все же на склонах гор уживалось странное и довольно многочисленное племя. Они называли себя сыновьями и дочерьми Адана и поклонялись одному богу, имя которого тщательно скрывали от чужаков. Никто в племени не знал имени своего отца или матери, ибо никто из абаданнов и не носил собственного имени. Все они были равны перед лицом своего тайного бога, а следовательно, никаких различий между ними не требовалось. Все носили серую одежду, преимущественно из войлока, и знак своей веры – овальная медальон с символом «погасшего солнца» (круг с лучами вовнутрь). Все подчинялись воле верховного жреца – Адана, который и руководил жизнью этой замкнутой общины, по мере необходимости сдавая ее членов «в аренду» представителям других народов.

В Люцинаре, ближайшем к Абрисскому хребту крупном городе, было полно слуг-абаданнов. Равно высоко ценились и наемники-мужчины, и служанки-женщины, те и другие были неприхотливы, выносливы, а главное, беззаветно преданны своим хозяевам, по крайней мере, на тот срок, за который было заплачено их жрецу.

Но Сан-Аркан лежал слишком далеко к югу от владений абаданнов, сюда редко забредали представители этого экзотического племени, разве что, сопровождая какого-нибудь северного купца. Правда, в окрестностях столицы Соединенного королевства жила одна дочь Адана – это была древняя старуха, отданная в вечную аренду местному землевладельцу, когда-то бывшему удачливым приказчиком в Люцинаре. Эйнар сам не раз встречал ее. Старуха все еще была крепкой и частенько приезжала на городской рынок за покупками для хозяина, благо тот мог, ни секунды не сомневаясь, доверить ей любые деньги.

Итак, аптекарь проводил глазами одетую в серое четверку. Вот и еще одно напоминание о прошлом. На душе у бывшего ученика мага стало неожиданно тревожно, и он поспешно засобиравшись домой, хотя первоначально хотел еще побродить по стене в поисках сухого пристенника – вьющегося растения с многочисленными целебными свойствами.

Проходя мимо булочной, недалеко от собственного дома, аптекарь втянул ноздрями приятный сладковатый запах, разливавшийся от расположившейся здесь же пекарни, и тут же схватился за грудь. Легкие, словно обожженные кислотой, отказывались принять очередную порцию воздуха. Эйнар прислонился к ближайшей стене, глотая ртом кислород, будто рыба, выброшенная на берег. Спустя несколько минут приступ удушья миновал и несчастный кое-как смог отдышаться. В воздухе все еще стояла мельчайшая магическая пыль и чувствовались остатки совершенного здесь заклинания.

Растерянный, он огляделся, поискав глазами, что могло быть носителем столь сильного колдовства. В щелях между булыжниками мостовой блеснули крохотные осколки стекла. Осторожно протянув руку, Эйнар дотронулся пальцем до одного из них, и тут же, словно ударной волной, его вновь отбросило к стене дома. Других улик не требовалось, печать с черным тиглем незримо витала в воздухе, пропахшем волшебным заклятьем.

– Аргол! – сдавленно прошептал бывший ученик мага. Начинали оправдываться самые худшие его опасения. И в это время на глаза попала еще одна, куда более крупная, но поначалу не замеченная деталь. В щели между домами, раздавленная чьим-то сапогом, но вполне узнаваемая, валялась маленькая хлебная корзинка...

– Мирра! – крикнул Эйнар, словно та могла услышать и прибежать на его зов. Налетая на прохожих и рассыпая по мостовой собранный пристенник, Эйнар бросился домой.

В то утро Бинош так и не открыла аптеку. Едва она навела лоск в торговом зале, как примчался Эйнар с лицом мрачнее тучи и тут же принялся как ошпаренный бегать по дому. Зачем-то перетряхнул Миррины вещи...

Желая привлечь его внимание и хоть на минуту оторвать от явно бессмысленных метаний, девушка мягко, но настойчиво предложила позавтракать:

– С минуты на минуту вернется Мирра с горячими булочками... – начала она.

Мужчина неожиданно замер посреди комнаты, словно налетел на невидимую стену.

– Она не вернется, – только и сумел выговорить. Взгляд его уперся в новое стекло витрины. Но мысли были далеко.

Знак тигля, остатки заклинания сна в переулке, четверо серых наемников, тащивших кого-то на носилках прочь из города, – все эти образы промелькнули перед внутренним взором бывшего ученика мага и сложились в единую картину.

– Аргол любил покупать услуги абаданнов... Нет, неспроста я встретил этих четверых сегодня утром.

Он стремительно метнулся в спальню и тут же выскочил обратно в зал, заворачивая в плащ шкатулку с их сбережениями.

Бинош непонимающе следила за его перемещениями.

– Мне нужна твоя помощь! – подскочил к ней Эйнар и, бросив сверток со шкатулкой на прилавок, обеими руками крепко обхватил ее за плечи, заглянул в глаза. – Мне очень нужна твоя помощь! – требовательно повторил он.

В глазах у девушки появился испуг, она явно ничего не понимала в происходящем.

Эйнар медленно вдохнул и выдохнул воздух, заставив себя успокоиться и даже улыбнуться.

– Извини, – мягко произнес он, – давай присядем. – Обняв Бинош за плечи, подвел ее к стоявшей в зале скамейке для посетителей и сам присел рядом.

Кратко и уже вполне спокойно рассказал о похищении Мирры.

– Нам нужно торопиться, если мы хотим вернуть ее, – закончил свой рассказ Эйнар. – Ты сможешь мне?

Что могла ответить несчастная влюбленная? Что готова сделать все, что ни попросит, лишь бы он вот так держал ее за плечи и заглядывал в глаза? Что с удовольствием бы поменялась с Миррой местами, лишь бы ради ее спасения Эйнар готов был бежать на край света?

Ничего этого Бинош не сказала, она лишь молча кивнула и пошла собирать вещи в дорогу.

Эйнар не сомневался, что по одной только магической вони сумеет выследить похитителей. След, взятый им в проулке за булочной, действительно вывел к Южным воротам, потом некоторое время вел на юго-восток по тракту. Спустя несколько миль запах сворачивал прочь от наезженной дороги, на проселок, змеящийся по лесу.

Они наняли двух лошадей. С их помощью рассчитывали до конца дня, максимум к полудню следующего, нагнать беглецов. Но одно дело догнать, другое – освободить. Эйнар не был уверен, что за городом к абаданнам не присоединился сам маг. Какое воздействие оказывает на него одно присутствие Аргола, его бывший ученик смог убедиться всего несколько дней

назад. Нет, он был не вправе рисковать и в одиночку пытаться напасть на слуг Аргола! В случае неудачи у Мирры просто не оставалось шансов на свободу и жизнь. Еще до отъезда из Сан-Аркана Эйнар составил план действий. Он заключался в том, чтобы, во-первых, попробовать навязать Бинош в спутницы к абаданнам, чтобы та замедляла их движение и оставляла метки по дороге. Во-вторых, Эйнар собирался нанять с десятков добровольцев (бывших легионеров, охотников, даже разбойников, на худой конец), чтобы с преобладающими или равными силами напасть на лагерь похитителей и отбить девушку.

Завоевать доверие абаданнов можно было только одним способом, выдав Бинош за их соплеменницу. Это было на первый взгляд довольно просто: девушке достаточно было одеться в серое, скроить постную физиономию и рассказать подходящую историю о долге следовать за хозяйкой. Чтобы сойти за абаданнку, ей не требовалось ни знание языка (детей часто отдавали в услужение в раннем возрасте, так что они быстро забывали родное наречие), ни знание их тайных ритуалов (эти люди своими религиозными переживаниями делились только со жрецом). Но одну деталь обойти было нельзя – все дети Адана с рождения носили свой знак-медальон, купить такую вещицу было невозможно, а отнять ее у абаданна можно было только вместе с жизнью.

Эйнар ломал голову над этой проблемой. И не видел иного способа получить медальон, кроме как снять его со старой служанки, жившей в пригороде. Но он даже думать боялся, что для этого придется сделать со старухой. Потом осенило – живых-то абаданнов, кроме упомянутой старухи, в городе действительно не было. Но на Арканском кладбище имелась парочка абаданнов мертвых. Бывший ученик мага не колебался, принимая решение разрыть чужую могилу. Но сделать это среди белого дня было невозможно. Городской Совет вполне мог арестовать его за святотатство.

Аптекарь с трудом дождался ночи. Обе могилы он нашел еще днем и запомнил их расположение. С наступлением темноты Эйнар, закутавшись в длинный черный плащ, с завязанными в мешок коротким заступом и ломом проскользнул в незапертые ворота кладбища. Горожане не имели привычки посещать это место ночью. По местному обычаю умерших предавали земле в одной сорочке или вовсе без одежды, считая, что человек должен уйти из этого Мира так же, как пришел в него – нагим. Поэтому здешнее кладбище не знало расхитителей гробниц. Не слишком скрываясь, но и без лишнего шума первый святотатец пробрался к ближайшей из намеченных им могил и принялся быстро разбрасывать лопатой землю. Ему казалось, что скрежет заступа слышен всему городу, но никто почему-то не являлся остановить его. Эйнар откопал полусгнивший гроб, и, не вытаскивая его из ямы, ломом взломал крышку. Тело внутри давно истлело, но серый войлочный наряд продолжал покрывать кости. На груди у скелета поверх одежды лежал почерневший медальон.

Эйнар мысленно попросил прощения у неизвестного покойника и, как мог аккуратно, снял его единственное украшение с рассыпающейся шеи. Закон компенсации требовал, чтобы он возместил покойному его потерю. Поэтому бывший маг сдернул с пальца массивное золотое кольцо с печатью – подарок гильдии – и опустил его на то место, где лежал медальон. Кольцо было не только довольно дорогой безделушкой, оно было ценно как память, так что можно было считать, что он хотя бы отчасти расплатился с истлевшим абаданном.

Бинош поджидала аптекаря недалеко от кладбищенских ворот, притаившись в нише одного из каменных домов. Вообще-то она должна была наблюдать, не появится ли на улице ночная стража, и, в случае чего, подать сигнал. Однако ей было слишком страшно одной в темноте. Так что вместо того, чтобы следить за улицей, она поглубже забилась под глухую арку в стене, откуда почти ничего не было видно. Когда перед ней неожиданно выросла черная тень, «сторож» чуть не закричала в голос, но это всего лишь вернулся Эйнар. Подхватив под руку, он потащил Бинош в сторону Рыбачьего переуллка. От одежды аптекаря пахло землей и, как

дорисовало воображение не слишком смелой попутчицы, тленом. Но все же она не пыталась высвободить свою руку из-под его локтя.

Второй день маленький отряд абаданнов плутал в лесу. В четвертый раз выходя к приметной, расколотой молнией сосне, проводник в сердцах сорвал с себя серую шляпу и бросил под ноги. Его соплеменники устало опустили на мшистый пригорок носилки. Мирра больше не улыбалась, хотя в душе и продолжала радоваться внезапно открывшимся у нее способностям. Теперь она была уверена, что именно ее колдовство заставляло похитителей без конца нарезать круги по лесу. Про себя она напевала коротенькую песенку собственного сочинения, в которой: «Снова левая нога вслед за правой пошла, снова солнце и луна поменяли берега...» Ритм песенки точно попадал в размеренный шаг «братьев», и они раз за разом возвращались к расщепленному дереву. Едва носилки опустили на землю, к Мирре подошла Бинош, она заботливо поднесла к почерневшим, растрескавшимся губам подруги бурдюк с водой. Мирра безразлично сделала несколько глотков, вода больше не освежала ее. Лицо и тело пылали в странной лихорадке. Утром, когда девушка, едва переставляя ноги, отошла за деревья по нужде, она заметила кровь в собственной моче. Это не на шутку перепугало ее, до того момента она приписывала свою слабость обычной простуде да еще тяготам дороги.

Впервые пришлось задуматься, не подхватила ли она более серьезную болезнь? За последние два года ее познания в медицине значительно расширились благодаря Эйнару. У многих тяжелых хворей были похожие симптомы. Она не стала ничего говорить Бинош, бедная девушка, добровольно переносившая вместе с ней опасности плена и долгого путешествия, все равно ничем не могла помочь. Вернувшись, больная без сил упала на носилки, до крови прикусив обметанную от внутреннего жара губу.

Абаданны снова совещались. Обычно их дневные привалы были коротки, но сейчас «братья» решили устроиться на долгую стоянку. Они даже растянули на приглянувшейся им поляне палатку, которую ставили только на ночь. В палатке под присмотром Мирра пролежала до вечера. Жар разламывал ей тело, голова болела не меньше, чем после памятного удара камнем, девушка с трудом могла сосредоточиться, но все же с наступлением сумерек она послала подругу за щепоткой золы из разложенного на ночь костра. Собиралась опробовать свое новое усыпляющее заклинание. Днем же неопытная колдунья попыталась уронить на головы своих похитителей ближайшее дерево. По ее указанию «сестра» незаметно отломил тонкий сучок со ствола северной березы, под которой отдыхали двое из «братьев». Ободренная прежними колдовскими успехами, Мирра пробормотала заклятье и переломила сухую веточку. По ее замыслу одновременно должна была надломиться и упасть на головы спящим и сама береза. Но дерево стояло не шелохнувшись, и начинающей ведьме пришлось признать, что ее магические таланты не простираются так далеко. Зато с мелкими заклинаниями, вроде нашествия муравьев в сапоги абаданнов или того же плутания по лесу, все получалось как нельзя лучше.

Наступила ночь, Эйнар не пришел. Мирра прикрыла глаза, смаргивая бессильную слезу. С каждым часом она все меньше надеялась на его появление, да и явись он теперь, чем сможет помочь умирающей девушке среди дикого леса?

Вдруг, словно в ответ на ее молчаливые молитвы, за пологом палатки раздался глухой, но явственный стук копыт. Насторожившейся пленнице послышался даже нечаянный звон оружия. Абаданн, стоявший на страже, выкрикнул что-то на своем языке. Мирра приподнялась на локте. Рядом, взволнованно дыша, тут же очутилась Бинош.

– Эйнар... – чуть слышно выдохнула она.

Но это был не аптекарь. В ночном лесу их маленький отряд разыскал Великий Аргол.

Маг спешил первым, его более молодые спутники не поспевали за стремительным колдуном. Аргол, собравшийся было в прямом смысле испепелить нерадивых слуг за то, что не

сумели вовремя прибыть на сборный пункт, неожиданно отложил расправу. Словно чуткая гончая, он раздутыми ноздрями втягивал воздух.

– Так, так... – Маг шагнул к палатке и откинул полог. Крепившие палатку деревянные колышки полетели в разные стороны. Аргол уставился на прижавшихся друг к другу девушек. Лицо служанки не было ему знакомо, но ее наряд объяснял многое. Повелительным жестом маг велел мнимой абаданнке удалиться.

Бинош нехотя отошла в сторону.

– Продолжаем играть в колдунью? – вкрадчиво проговорил маг, склоняясь над больной. Та только испуганно втянула голову в плечи. Аргол довольно грубо обхватил длинными, узловатыми пальцами ее подбородок и развернул лицо к слабому свету лун. – Что же твой учитель не сказал тебе, что с твоей маной баловаться заклинаниями опасно?!

Мирра продолжала молчать. Колдун выпрямился. Лицо его дышало гневом. Выхватив прямо из воздуха свою длинную трость, он принялся без разбора избивать слуг, яростно выкрикивая что-то на их каркающем наречии. Пленница испугалась еще больше, гнев колдуна был ей не понятен. Несчастные абаданны покорно принимали побои, даже не пытались убежать или закрыться руками. В конце концов, возмущенная бессмысленной жестокостью, пересилив страх, она как смогла сильно дернула снизу за плащ это чудовище.

– Сейчас же прекратите! – прохрипела больная и закашлялась.

Аргол несколько секунд в бешенстве смотрел на неожиданную помеху, и та уже решила, что сейчас тяжелая трость прогуляется и по ней. Но, против ожидания, колдун опустил занесенную руку и фальшивым приторно-сладким голосом произнес:

– Как тебе будет угодно, моя драгоценная, – я всего лишь хотел наказать слуг, что не сумели как следует позаботиться о тебе.

– Они... заботились... – сдерживая кашель, выговорила несчастная.

– Что же, тогда другое дело! – охотно согласился маг. – Надеюсь, ты зачтешь мне мое милосердие.

Девушка судорожно кивнула. «Братья», хмурые, потирая синяки и ссадины, занялись делами. Двое вновь растянули над ней полог, остальные занялись лошадьми. Теперь их отряд вырос вдвое. Сердце Мирры мучительно сжалось, ибо его покинули последние отблески надежды стать свободной. Видно, те же мысли посетили и Бинош. Свернувшись калачиком, она молча плакала, и было видно, как обреченно трясутся ее плечи. Пользоваться добротой камеристки и дальше было не просто эгоистично, но прямо-таки преступно. Какая польза, если в этом лесу пропадут они обе? Мирра тихонько вздохнула, незаметно смахнула наверхнувшиеся слезы жалости к самой себе и погладила подругу по плечу. Та поспешно приподнялась.

– Тебе нужно бежать. – Шепот ее был едва слышен. – Теперь, когда здесь колдун, наш обман может раскрыться в любую минуту. Ты достаточно сделала для меня, пора позаботиться о собственном спасении!

Бинош лишь закрутила головой, еще сильнее заливаясь слезами.

Мирра даже рассердилась.

– Нечего рыдать! – хрипло зашипела она, чувствуя очередной приступ кашля. – Мы совсем недавно видели тракт, даже я помню, в какой он стороне. Ступай туда, навстречу Эйнару. Возвращайтесь вместе домой. Мне уже не помочь. – Надрывный кашель потряс ее. – Я серьезно больна и... в любом случае долго не протяну...

От последних слов захотелось расплакаться, но она сдержалась.

– Уходи! – резко попробовала она прогнать подругу, надеясь, что та обидится и наконец последует ее совету. Но та не тронулась с места.

Мирра закрыла глаза, теперь даже короткие разговоры утомляли ее.

– Чего уж там... – через некоторое время, словно что-то окончательно обдумав, произнесла Бинош. – Я тоже пойду до конца.

Сил спорить с ней у умирающей больше не было, она с трепетом вслушивалась в то, что происходило внутри ее организма. Ей казалось, она слышит какие-то хлопающие звуки, словно рвутся тонкие нити, привязывавшие ее к жизни. Впрочем, скорее всего, это было только воображение, подстегнутое мыслями о внутреннем кровотечении.

Проснувшись утром, Мирра чуть не закричала от ужаса. Палатка оказалась уже свернутой. В первых лучах солнца над ней склонился Аргол и, негромко бормоча какие-то заклинания, делал пассы над ее телом. От страха у девушки пропал голос, и она молча забилась как рыба на песке. Ее конвульсивные движения маг заметил, но, прежде чем заговорить с пленницей, он закончил читать заклятье.

– Ты славно поработала над собственным разрушением, – удовлетворенно произнес он. – И значительно упростила мне задачу.

Обессиленная жертва лишь едва заметно пожалала плечами. Маг отошел от носилок, на которых она лежала, и велел абаданнам поднять их на плечи. И Мирра плавно поплыла по поднимающейся в гору дороге. Теперь движения носильщиков были уверенными. Рядом ехал маг и указывал им дорогу.

– Откуда твоя служанка?

На это следовало ответить.

– Она здесь только до тех пор, пока я жива. Но это ненадолго. А потом ее долг будет исполнен, и она вернется к своим.

Колдун мерно раскачивался в седле. На его лице появилась загадочная улыбка, и в ярком свете солнца оно стало почти приветливым.

– На тврем месте я бы не слишком на это рассчитывал! – заявил он.

– На что? – не поняла Мирра.

– На быструю смерть! – Аргол сильнее растянул в усмешке губы, и иллюзия приветливости растаяла. Больная закрыла глаза.

Дорога продолжала подниматься вверх. С каждой милей она становилась все круче и круче. Пологие холмы с перелесками и отдельными каменными лбами, заросшими травой и мхом, сменились крутыми склонами небольших горок. Здесь росло достаточно деревьев, но были они корявыми и низкорослыми, мох на камнях сменился лишайником. Мирра никогда не бывала в такой местности. Детство ее прошло во влажных южных лесах, да и вокруг Сан-Аркана на многие мили тянулись дубравы, перемежающиеся сосной и ясенем. Окружающий пейзаж казался ей зловеще-мрачным, как и ее будущее.

Далеко на севере, но уже видимый отсюда, синими тенями на горизонте вставал Акулий Скелет⁵. Эта горная цепь была восточной оконечностью Великой Северной гряды. Вот, оказывается, на что ориентировался их маленький караван! На Акулий Скелет! Но на второй день после присоединения к ним Аргола они стали существенно забираться влево, и вскоре ветер донес до них слабый, но узнаваемый запах моря. Впереди все выше вырастала единственная, похожая на палец, поднятый к небу, гора.

– Это – Оль-Герох, Воронье Гнездо, – пояснил Мирре Аргол. Он теперь подолгу на ходу беседовал с ней, вернее, произносил длинные монологи. Большинство из них были посвящены его великой миссии. За два дня девушка, правда, так и не сумела уяснить, в чем, собственно, она состояла. Но маг без конца повторял, что стоит на пороге новой эры, и ключом к этой самой эре должна была стать она, Мирра.

И ей очень хотелось сказать, куда именно он может засунуть свою миссию, но губы так растрескались, что шевелить ими было больно, да и не стоило ради таких пустяков напрягаться. Мысли больной теперь постоянно были обращены к желанной смерти, немного отвлекало от

⁵ Акулий Скелет – еще одно название Абрисского хребта.

этого только постоянное жжение в запястьях – почему-то последние дни браслеты совсем не давали покоя. Но даже к этому жжению Мирра почти привыкла.

Аргол отвел взгляд от пленницы, в очередной раз болезненно скривившей запекшиеся губы, и с гордостью взглянул на возносившуюся перед ними черную гору почти идеальной формы. На вершине, скрытой сейчас низкими дождевыми облаками, стоял его несравненный базальтовый замок – Агад-Зер – драконий Зуб. Когда-то на скале жил большой черный дракон, и все земли от Акульего Скелета до Пелосского моря на востоке и до самого Пельно на западе платили дракону дань. Потом он, Аргол, победил дракона, и с тех пор этот замок и земли на несколько миль вокруг принадлежали ему по праву победителя, маг, конечно, не мог похвастаться, что ему платят дань жители благополучного Пельно, но крестьяне окрестных деревень свои дары складывали к подножию Оль-Героха с похвальной регулярностью. Они-то знали, что Великому и Доброму Арголу ничего не стоит отравить все колодцы и источники в округе.

Маг невольно нахмурился от внезапно пришедшей ему в голову мысли: с чего это скала, раньше называвшаяся Драконье Гнездо, стала вдруг называться Гнездом Вороньим? Уж он-то точно больше напоминал могучего Дракона, чем жалкую черную птицу.

Конно-пеший отряд въехал на серпантин, плавно поднимавшийся к вершине Оль-Героха. Следуя по довольно широкой и безопасной дороге, больше не делая остановок, к середине ночи они добрались до замка. Копыта коней зацокали по черным плитам внутреннего двора.

Мирра лежала на широком каменном столе-алтаре, установленном в центре каменного зала, под самой крышей башни Агад-Зер. Комнату вокруг озаряло ровное, розовое свечение волшебных огней, горевших на концах особых факелов, установленных в держатели по периметру зала. Конусообразную крышу башни поддерживали толстые у-образные балки, поднимавшиеся по углам восьмигранной комнаты. В центре крыши зияла круглая дыра, сквозь которую в башню попеременно заглядывали две луны и солнце. Девушка так ослабела, что все время находилась в странном полузабытьи, когда реальность видится словно через задымленное стекло. Благодаря постоянным заговорам Аргола тела своего она почти не чувствовала, только продолжали сдавливать руки и жечь магические обручи браслетов.

Маг был здесь же, колдовал над тиглем, точь-в-точь похожим на тот, что украшал его герб. В дверь осторожно постучали. Аргол, занятый составлением сложной смеси, лишь непонятно ругнулся. Но, как видно, ругательство было не простым, потому что за дверью тут же кто-то взвизгнул, словно получив оплеуху. Однако через минуту стук возобновился, и колдун, недовольно скривившись, щелкнул пальцами. Дверь распахнулась как от порыва ветра, и внутрь вдуло уже знакомого Мирре абаданна. За ним, настороженно осматриваясь, вошла Бинош с подносом в руках. На нем стояла мисочка с теплым бульоном для больной и пара мясных блюд для мага. Камеристка дерзко брякнула поднос с блюдами прямо на столик с магическими принадлежностями, где только что работал Аргол, и, прихватив с собой чашку, под села к Мирре. Тот было хотел задержать ее, но потом махнул рукой.

– Что случилось? – сердито осведомился он у «серого». И тот тихо зашептал что-то на ухо. Колдун сначала еще больше нахмурился, потом губы его растянула злорадная улыбка. Взмахом кисти он отослал слугу. Словно в задумчивости несколько раз прошелся возле алтаря.

– Ты случайно не ждешь гостей? – неожиданно разворачиваясь к Мирре, спросил он.

Та невольно вздрогнула, из носа тут же потекла кровь, и подруга заботливо принялась утирать ее салфеткой.

– А то тут недавно появился один аптекарь, – продолжал Аргол, – да вот беда, местные неотесанные крестьяне – грубый народец, о чем-то поспорили с ним, и, какая досада... – при творщик попытался изобразить искреннее участие, – ...проломили бедняге голову! Ему и трем его спутникам. Теперь несчастные покоятся в общей могиле...

Аргол еще продолжал говорить, а Бинош серой молнией, с утробным рыком уже бросилась на него. На мгновение Мирре показалось, что сейчас подруга выцарапает колдуну его злобные глазки. Но у мага была куда более быстрая реакция. Движением пальцев он умудрился остановить девушку и отшвырнул ее к стене. Пролетев несколько метров, та с размаху ударилась спиной о каменную кладку.

– Это что еще такое?! – Маг с внезапно проснувшимся подозрением сверлил глазами бедную служанку. – С каких это пор абаданские служанки проявляют такой интерес к делам своих господ?! – Он подошел и нагнулся над распростертой у стены девушкой. Ухватившись за медальон, рывком поднял ту на ноги. – Ну-ка, скажи мне имя своего жреца! – грозно потребовал колдун. «Сестра», полузадушенная металлической цепью, лишь беспомощно хрипела. Маг подтащил служанку к дверному проему и вышвырнул из комнаты. – Разберемся с тобой позже! – пообещал он. Дверь со зловещим лязгом захлопнулась, чуть не отбив бедной ноги.

Отверстие в крыше потемнело. Мирре подумалось, что уже сгущаются сумерки, но это с востока, наколдованная магом, шла гроза.

Аргол взмахом руки наложил засов на дверь и повернулся к пленнице.

– Пора нам с тобой заняться нашими делами, – потирая руки, заявил он.

Мирра постаралась придать своему лицу презрительное выражение, но не была уверена, что это ей удалось. Она чувствовала, что милосердная смерть совсем близко, но все же продолжала бояться мага.

– Эти чудесные украшения, – без всякой связи с предыдущей фразой начал Аргол и схватился за безвольно лежащие руки Мирры, – призваны не только пресечь у своей владелицы любые мысли о побеге. Они же не позволят тебе умереть, как бы ты об этом ни мечтала. Твое тело начнет сохнуть и разлагаться, но ты будешь продолжать жить и страдать. Заманчивая перспектива, не правда ли? – Горящие глаза колдуна приблизились к самому лицу несчастной. Руки произвели над ее телом замысловатые движения, и девушка неожиданно почувствовала боль – обычную боль в затекших мышцах от долгого, неподвижного лежания на холодном камне, но боль эта была почти невыносима. Она застонала сквозь зубы. Когда-то в детстве ей приходилось слышать легенды о живых мертвецах, странных созданиях, скитающихся ночами по кладбищам, не способных расстаться с собственным телом и вознестись в Чертог Ожидания. Мирру невольно передернуло, от чего мышцы заломило еще больше. – Вот видишь, не очень приятно! И это может продолжаться практически вечно, если только... – Голос колдуна снова стал мягким и вкрадчивым. – Если только ты не отдашь мне то, что я прошу.

Мирра выгнулась от неожиданно скрутившей ее судороги и непонимающе глянула на Аргола.

– Твой дар, глупышка! – ответил на ее немой вопрос маг. – Тебе он совершенно ни к чему, а я, я смогу воспользоваться им как должно! – Глаза безумца закатились, он не мог отказать себе в маленькой слабости – помечтать о будущем всемогуществе.

– Я смогу расширить границы Вселенной! – с пафосом произнес он. – Я сравняюсь в могуществе с драконами и шагну за грань Равновесия... Нет, я встану над ним!

Девушку продолжали мучить судороги, ей было не до того, чтобы слушать спятившего мага. Все, чего она хотела, – уснуть и больше не просыпаться! Если для этого нужно было что-то там отдать Арголу, она была согласна. Куда только делись ее разумные рассуждения о том, что маг не может отобрать то, что человек не согласен отдать добровольно. Единственное, о чем еще помнила Мирра, так это о том, что в обмен на свой дар у колдуна следует выторговать мгновенную и легкую смерть.

Так она ему и сказала. Когда смогла.

– Конечно, конечно, – почти ласково зашептал «добрый» волшебник. – Тебе нужно только сделать все, как я скажу. – Он вкратце объяснил суть предстоящей магической церемо-

нии. – Все, что от тебя требуется, это вовремя ответить на мой вопрос «Что мое – твое!» и – ты свободна! Договор?

– Договор! – простонала жертва.

Она все так же лежала на каменном столе, но волшебные розовые факелы погасли. Башню то и дело озаряли белые сполохи молний. На улице бушевала гроза. Под вспышки электрических разрядов ядовито-зеленым светились магические знаки на стенах. Посреди зала возвышалась фигура чародея в пурпурной мантии. В свете молний черты его лица заострились, кожа стала полупрозрачной. Сквозь нее Мирра ясно различала, как черная кровь колдуна, пульсируя, движется по венам на щеках.

Разряд молнии ударил в купол, и башня почти раскололась от грохота. В ставшем голубым электрическом сиянии Мирра в первый и последний раз увидела ману, излучаемую каждым человеком. Ярко-лиловый сноп света исходил из затылка Аргола, его лучи достигали самого купола. В этом мертвенном лиловом сиянии колдун был еще страшнее. Еще один раскат сотряс башню. Колдун воздел руки, разрисованные буквами священного алфавита, и низким голосом запел заклинание.

Страдалица изо всех сил зажмурилась, ожидая, что очередная молния отправит ее прямоком на встречу с Доброй Сестрой. Гром прогремел в третий раз, башня закачалась уже не на шутку. Эхо раската долго блуждало под куполом. Потом постепенно все стихло.

Долго-долго Мирра в напряжении сжимала веки. Наконец она устала жмуриться и открыла глаза. Волшебная гроза кончилась, в зале было тихо, темно и (за исключением ее), по-видимому, пусто. Она всхлипнула. Арог снова обманул: пообещал легкую смерть, а сам, отняв ее Дар, оставил мучиться.

Девушка попробовала встать, но не сумела даже пошевелиться. Так она и лежала, бессильно распластанная на алтаре. Шло время, ничего не происходило. Наконец Мирра стала проваливаться в столь желанное беспмятство. На самой границе сна ей послышался металлический звон и чьи-то тревожные крики на нижних этажах, но удержать этот звук в сознании она уже не могла и с облегчением скользнула в темноту.

Глава 6

Деньги, вырученные за аптеку, стремительно кончались. Но и дорога подходила к концу. Теперь за Эйнарком следовало девять воинов. Трех он нанял в Сан-Арконе, это были профессиональные охотники на колдунов, сопровождавшие арканские караваны на север. Именно на них ушла основная часть суммы. Еще четверых наемников Эйнар знал по своей прошлой службе, эти не горели желанием встречаться с магами, зато были не прочь повоевать под началом бывшего товарища, тем более что и платил он вперед. Двоих последних бывший ученик мага, можно сказать, подобрал уже во время пути, в грязном придорожном трактире. Выглядели они, как оборванцы (да, собственно, ими и были), зато один был довольно ловким вором, а другой метко бил из лука. Учитывая, что остальные члены отряда привыкли управляться с мечом, такой талант был весьма кстати. Что касается воровства... что ж, бывший ученик мага сам не знал, что может им понадобиться во владениях Аргола.

Несмотря на отсутствие лошадей (купить или даже арендовать коня каждому воину наниматель был не в состоянии, а иметь пару коней, чтобы вести их в поводу, не имело смысла), отряд двигался довольно быстро по колдовскому, только Эйнару заметному следу. Наемники вслух удивлялись, как ему удается безошибочно повторять дорогу абаданнов, однако аптекаря, словно запах собаку, тянула за собой непрерывно пульсирующая тонкая боль. Именно так он ощущал след от колдовского порошка, рассыпанного удачно внедренной к похитителям Бинош. Боль эта постепенно нарастала, из чего Эйнар справедливо заключил, что, несмотря на первоначальное отставание, постепенно настигает беглецов. Дважды ему казалось, что со следующего пригорка или в конце следующего перелеска он наконец увидит их повозку. Но отряд наткнулся только на свежие следы стоянок.

Потом неожиданно след оборвался. Огненный шнур, змеящийся сквозь его тело, исчез, и расстроенный составитель зелья вскоре обнаружил причину этого. На дне свежего оврага он наткнулся на неглубоко зарытый в землю скарб – должно быть, путешественники облегчали суммы, перед тем как спешиться. Среди чугунных котлов и другой утвари он обнаружил и горшочек со своим волшебным зельем.

Пришлось заночевать здесь же, Эйнар полночи прометался в отчаянии, боясь, что не сумеет больше выйти на след похитителей.

Утром, проснувшись у прогоревшего за ночь костра, он долго тер руками виски. Что такое было в этом месте, витало в воздухе... Попытался сосредоточиться... Очень сильно ощущалось присутствие горшочка с колдовским порошком. Даже зарытый в землю, он покалывал изнутри затылок. Кроме того, аптекарь ясно чувствовал костяные и медные обереги, имевшиеся у трех охотников. Поскольку парни были арканцами, обереги не содержали обычного в других местах охранного наговора, и Эйнар реагировал на них не больше, чем на тот же крестовник. Но было и еще что-то, чего аптекарь пока не понимал. Его спутники забеспокоились, заметив явную неуверенность своего предводителя.

Чтобы не дать сомнениям разложить дисциплину в отряде, предводитель приказал провести разведку местности, а сам с одним из охотников пошел по дну оврага, где накануне обнаружил схрон. Овраг вывел к странному распадку посреди деревьев. Трудно сказать, как образовалась эта, словно утопленная в складках леса, поляна. Может, когда-то сюда упал небесный камень (следы таких падений были не в диковину в этой местности), а может, лес, разросшийся на старых и потому пологих скалах, скрыл следы бывшего горного ущелья, оставив только эту травяную проплешину. На краю поляны стояла покосившаяся, но еще крепкая хижина. Трава вокруг домика выглядела нетронутой, и все же Эйнар мог бы поклясться, что не так давно здесь побывали люди. Странное ощущение у него в голове усилилось.

Вдвоем с охотником по прозвищу Лис они осторожно подобрались к самым дверям избышки. Оба на всякий случай освободили из ножен мечи. Эйнар первым толкнул щелеватую дверь и нырнул в темный, после солнечного утра снаружи, дверной проем... Внутри было пусто. Единственная комната лесной сторожки не нуждалась в обыске. Если что и свидетельствовало здесь о пребывании людей, так это редкостная пустота и чистота. Было похоже, что совсем недавно кто-то умело и тщательно прибрал в доме: выгреб даже угли и золу из каменного очага. Вынырнувший из-за плеча аптекаря Лис бегло огляделся и, не заметив ничего интересного, шагнул на улицу. Эйнар присел на низкий столик, одной стороной встроенный в стену хижины. В доме ощущался слабый запах колдовства. Сначала ученик мага даже подумал, что ощущает издалека присутствие Аргола, но нет, старый маг и даже его колдовские штучки вызывали у него куда более бурную (и болезненную) реакцию. Аптекарь еще раз внимательно обшарил взглядом стены и скудную обстановку жилища – каменный очаг да столик, на котором он сидел, ни пучка травы, ни магического знака – и уже шагнул было к выходу, когда в полумраке, в углу над притолокой разглядел странного вида паутину. Он привстал на цыпочки, почти сунув нос в паучью сетку, и сощурил глаза, принаравливаясь к скудному освещению. Сначала ему показалось, что глаза врут – посреди тонкой паутины мелкими, но различимыми буквами было выткано: «Мирра».

Шагнул назад, отодвигаясь от паутины. Узор вновь стал неразличимым. Аптекарь некоторое время постоял, прикрыв глаза, потом вновь глянул в угол над притолокой – сомнений не было, маленький ткач изящно вывел имя его подруги на своей ловчей сети.

Он выскочил из хижины. Мирра была здесь – это понятно, но едва различимый дух заклинания никуда не вел! Аптекарь напрасно вертел головой в разные стороны и словно гончая ловил ноздрями воздух. Вдруг взгляд зацепился за нечто в тени окружавшего распадок смешанного леса. Эйнар быстро двинулся к группе молодых елочек, довольно потрепанных и почти лишенных хвои (то ли почва в этом месте была неподходящей, то ли их поразила какая-то древесная болезнь). Чутье не подвело бывшего ученика мага, оголенные стволы двух рядом стоящих елок были сплошь заплетены липкими белесыми нитями. На паутине, не успев испариться в лучах утреннего солнца, блестели капли росы, ясно прорисовывая вытканное в центре имя «Мирра».

Он окликнул бродившего по краю поляны Лиса и бросился в сторону стоянки – сворачивать лагерь.

Теперь они двигались гораздо медленнее, отряд растянулся цепью по лесу, высматривая паутину на траве и деревьях. Паутина со знаками попадалась не так уж часто, но общее направление на север все же прослеживалось.

Ночью, на девятый день их путешествия бывший ученик мага проснулся от прожигающей боли в животе. Желудок скрутила внезапная судорога, хотя предводитель сам тщательно следил за приготовлением пищи. Когда приступ миновал и аптекарь снова смог думать, он сообразил, что причиной было не отравление. Где-то совсем недалеко от их отряда появился Аргол. Эйнар выполз из палатки и медленно обвел взглядом темное пространство вокруг. Он не знал, отчаиваться ему или радоваться: теперь он точно мог сказать, в какую сторону пошли маг и его приспешники, а значит, и Мирра, но как справиться в открытом бою с могущественным колдуном – не представлял. Учитывая, что само присутствие колдуна вызывало у него мучительные спазмы, он не слишком рассчитывал на свою боеспособность. Все это время он надеялся отбить Мирру до того момента, как она попадет в руки самого колдуна. Не вышло... Но это вовсе не означало, что освободители решили отказаться от своего намерения. Просто теперь задача во много раз усложнилась. Аптекарь в сердцах плюнул под ноги – возможно, стоило все-таки потратиться на лошадей, сэкономив на численности отряда, чтобы выиграть в скорости. Но теперь жалеть или менять что-либо было поздно, нужно принаравливаться к сложившимся обстоятельствам.

До рассвета, распотрошив свой заплечный мешок и заново разведя костер, ученик мага варил себе обезболивающий настой. Отвар он перелил во фляжку для питьевой воды, подозревая, что тот может понадобиться в любой момент.

С восходом солнца отряд ускоренным шагом двинулся на север. Теперь Эйнар не разглядывал местность, зато часто прикладывался к фляжке. Методично скручивающие его судороги были явным подтверждением правильности выбранной им дороги.

На тринадцатый день в полдень среди перемежающейся перелесками пустоши показалась гора. Издалека ее склоны казались отвесными, но крошечные зеленые пятнышки здесь и там свидетельствовали, что какая-то растительность все же нашла себе площадку для жизни. А на вершине, утопая в белых летних облаках, возвышалась черная башня...

– Настоящее логово колдуна! – зашептались наемники, невольно понижая голос, словно злой маг мог их подслушать. Бывалые охотники и солдаты, они стали перешнуровывать сапоги, готовясь к длительному подъему.

Однако ни в тот день, ни на следующий им не удалось достигнуть даже подножия.

Примерно на полпути между краем последней роци и скалистым подножием (отсюда уже можно было разглядеть, что к вершине горы тянется довольно пологая лента дорожного серпантина) отряд уперся в невидимую преграду. Как ни старались умелые и крепкие наемники, ни обойти, ни пробиться сквозь нее при помощи меча не удавалось.

В конце концов, было решено устроить стоянку прямо у «стены» и попытаться еще раз счастья ночью. Эйнар, правда, на ночную вылазку особой надежды не возлагал. Вряд ли Аргол был настолько глуп, чтобы устраивать волшебный заслон только на день. Но сделать пока все равно ничего не удавалось, так что вполне можно было заняться устройством «военного лагеря». Теперь аптекарь поглощал свой отвар целыми фляжками, небезосновательно опасаясь, что в будущем организму придется жестоко поплатиться за подобное «насилие». Зато снадобье притупляло боль, которая на подступах к Вороньему Гнезду стала непрерывной. Эйнар избегал задумываться о том, как скрутит его в присутствии Аргола, до колдуна еще надо было добраться, и, если честно, он уже почти не верил в это. Действительно, что могли сделать десять обычных людей против могущественного мага?! Судя по всему, у того в замке достаточно средств (и сил), чтобы поддерживать незримую преграду годами. А у Эйнара и его наемников припасов осталось от силы на неделю, да и то если питаться впроголодь.

Аптекарь в который раз основательно приложился к фляжке (травы для отвара тоже подходили к концу), если бы боль отпустила его хоть на минуту, может, он и сумел бы что-нибудь придумать!

С неприязнью несостоявшийся маг покосился на троих охотников за колдунами. Надежды на них пока что не оправдывались, и он уже начинал думать, что изрядно переплатил за их участие в экспедиции. Вдобавок охотники постоянно раздражали его вечерними байками о своих прежних похождениях. С их слов получалось, что каждый их поход заканчивался полным триумфом. Лис и его товарищи без конца смаковали подробности расправы над встретившимися им колдунами и ведьмами. И, хотя у Эйнара было меньше всего причин для приязни к последним, он каждый раз с трудом сдерживался, чтобы не врезать наглым хвастунам по физиономии. Как-никак он сам чуть не стал магом. А охотникам, если хоть часть их рассказов была правдой, судя по всему, не приходилось сталкиваться ни с кем серьезней замшелой деревенской ведьмы. Сейчас притихшие наемники сгрудились у костра, отгонявшего поднявшуюся к вечеру мошку. Про колдуна никто не упоминал (а то недолго и накликал к ночи). С этой стороны ждать совета, как пробиться к замку на вершине, не приходилось.

В сумерках на их маленькое стойбище неожиданно налетела группа всадников. Это не были настоящие кавалеристы – всего лишь обычные крестьяне, усевшиеся на своих рабочих лошадок и вооружившиеся кто чем сумел. В первый момент им удалось застать наемников врасплох, ведь они ждали угрозы со стороны скалы, а конный отряд налетел из ближайшей

рощи. Видимо, деревня была где-то неподалеку, лошади были явно свежие, а заводных коней (на смену) нигде видно не было.

Однако беспорядочный налет вскоре захлебнулся. Отряд закрепился у костра, правильно выстроив защиту и прикрывшись щитами. Среди оружия нашлось четыре пики, с их помощью наемники успешно отбили конное нападение. Потом из-за щитов заработал лук, трое всадников, легкомысленно задержавшихся перед строем, упали из седел, сбитые длинными зелеными стрелами. Приятель лучника, обнаруживая новый талант, раскрутил пращу, и еще один всадник покатился по траве под копыта собственной кобыле. Остальные нападавшие успешно отъехали на расстояние, недоступное для пущенной из лука стрелы. Там они сгрудились, совещаясь. Эйнар вполголоса отдал приказ готовиться к новой атаке. Крестьян все еще было почти в два раза больше, и это делало их смелыми.

Вскоре слова командира подтвердились, конники ринулись в новое наступление. Предыдущая неудача ничему не научила их, и они вновь пытались кучей, разогнав лошадей, пробить пеший строй. Четыре выставленные вперед пики сделали свое дело. Две лошади, управляемые не слишком умелыми наездниками, налетели грудью на закаленные острия и забились в агонии, придавив к земле своих всадников. Отряд благоразумно отодвинулся к горе, почти прижавшись спиной к невидимой преграде. «Стена» на этот раз сыграла положительную роль, можно было не опасаться нападения сзади. Меткий Асет между тем снял стрелой еще одного всадника. А старому знакомому Эйнара удалось мечом подсесть ногу вражескому коню, и теперь вовремя соскочивший с него парень вовсю улепетывал пешим в сторону леса. В общем, вторую атаку удалось отбить без потерь, как и первую.

Быстро сгущающаяся темнота делала боевые действия слишком опасными для обеих сторон. И вскоре стало понятно, что всадники явно решили отложить следующую атаку до утра. Их все еще превосходящий численностью отряд нестройными рядами тронулся в сторону леса, подобрав своих мертвых с поля сражения. Бывший ученик колдуна был уверен, что неопытные воины не рискнут разбить лагерь поблизости от противника, а отправятся ночевать в родную деревню, где и крыша есть, и частокол наверняка имеется. Также ясно было, что поутру они, скорее всего, вернутся со значительным подкреплением.

А это значит... это значит, что им предстояла нелегкая ночная погоня.

Идти по следам конников оказалось довольно просто. Видно, в здешних краях давненько не было войны, раз местные крестьяне напрочь утратили боевые навыки. Они ехали ничуть не скрываясь, не оставив в арьергарде разведчиков на всякий случай. Широкий след, оставленный конной кавалькадой, был замечен даже в темноте. По нему Эйнар и его спутники вскоре вышли к средних размеров деревне. Она пряталась между холмами, но никакого частокولا вокруг и в помине не было. Можно было только позавидовать местным жителям, явно не знавшим даже разбойничьих набегов.

Наемники бесшумными теньями (кольчуги смазаны жиром, чтобы не скрипеть при движении, оружие тщательно подвязано, чтобы тоже не бряцало попусту) просочились на окраину деревни и залегли в непроглядной тени живой изгороди, окружавшей один из огородов. В нескольких домах, ближе к центру, все еще горел свет. Наверняка как раз там сейчас принимали поздно вернувшихся с военной вылазки мужчин. Эйнар собрал своих воинов на совет. Еще в лагере было решено попытаться разведать, кто и зачем напал на их маленький отряд. Отсутствие военного опыта у нападавших ясно говорило об их мирной профессии, тем удивительнее было такое воинствующее поведение. Однако с опытом или без, агрессивно настроенные крестьяне могли сделать окончательно невозможным план по нападению на замок колдуна. Поэтому следовало не только разведать, почему на них напали, но и попытаться захватить деревню. Эта часть плана встретила горячее одобрение всех наемников. Ведь именно этим (захватом мирных деревень) они и привыкли заниматься. Эйнар понимал, что здесь не обойдется без грабежа, но угрызений совести не испытывал. В конце концов, местные жители сами

напали на них без каких-либо причин и переговоров. Ну а заваривший кашу должен быть готов ее расхлебывать.

После короткого совещания отряд разделился на две части, обе группы по параллельным улицам двинулись к центру деревни. Там, на краю небольшой, немощеной, но хорошо утоптанной площади стоял дом старосты. Во всяком случае, это был самый большой и на вид самый богатый дом в деревне, а деревенский глава вряд ли жил в каком-либо более скромном жилище. К тому же у наемников было природное чутье на самые зажиточные амбары. С Эйнармом пошли два его бывших сослуживца, а также Асет и новоявленный пращник.

Двух других своих приятелей, в том числе старого вояку, служившего когда-то сержантом, он отправил вместе с охотниками, нашептав сержанту, чтобы тот приглядел за ними. Пригибаясь и стараясь двигаться как можно ближе к плетням и изгородям, нападающие наконец достигли намеченного дома, перебрались через не слишком высокий забор. Короткая перебежка, и вот уже они прижимаются спинами к каменной кладке. За распахнутым в летнюю прохладу окном явственно слышались голоса, на все лады поминавшие злых богов, и женский плач – не иначе сюда же привезли тела убитых у «стены» крестьян.

Кто-то низким глуховатым голосом стал упрекать вернувшихся, что они бросили чужаков, не добив их, у ручья.

– Что же ты с нами не поехал, Бирюк? – зло возразил ему визгливый тенор. – Вот и показал бы, как с пришлыми биться!

– Знал бы, что вы драпанете, так и поехал бы! – возмутился бас. – Ты, что ли, Рыжий завтра пойдешь к колдуну отчитываться?! – В комнате отчего-то притихли. – То-то же... Еще как завтра господин волшебник на нас взглянет. Чую я, подохнем все холодной зимой да без урожая!

Разведчики за окном переглянулись. В общем-то все было понятно: деревенское «ополчение», видимо, получило задание «выкурить» их со здешних земель не иначе как от самого Аргола. Похоже, он заправлял здесь делами всей округи. А поскольку вояки не справились с заданием, завтра старосте придется ехать к магу объясняться. Но главное, что следовало из этих речей, никаких серьезных военных сил в деревне не было, нападения извне никто не ждал. Ну, об этом-то дружинники догадались раньше, не найдя ни одного часового вокруг жилья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.